

Александр Забусов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ХАРАКТЕРНИК Перунов волк

Александр Забусов

Характерник. Перунов волк

«Автор»

2016

Забусов А. В.

Характерник. Перунов волк / А. В. Забусов — «Автор», 2016

Мальчишка попадает на воспитание к старому ведуну. Прошло время, он оказывается в горниле чеченской войны. Случай сводит его с представителем "мировой закулисы". Молодой характерник, применяя свой дар и дедову науку, ломает весь расклад финансовой аферы на Кавказе. Приключения начинаются...Содержит нецензурную брань.

© Забусов А. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть 1. Потомок Перуновых Хортов	6
Глава 1. Детство	6
Глава 2. Дед	12
Глава 3. Становление на крыло	17
Глава 4. На крыле	25
Глава 5. Война	32
Глава 6. Блокпост	40
Глава 7. «Танцы с волками»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Забусов

Характерник. Перунов волк

В структуре самого воинского сословия особую группу, можно сказать касту, составляли витязи-характерники.

Характерники – это те, кто «избавлен от смерти Харой». Хара, или Лада, по представлениям наших предков, – это Любовь. Она является частью Бога, исходящей от него любовью, как лучи света, исходящие от Солнца и согревающие все живое. Лада мыслилась как единство порядка и любви. Отсюда и такие слова, как «поладить», «уладить», то есть привести к гармонии, согласию и миру. Лад понимался и как красота, отсюда слово «ладный». Небезынтересно происхождение слова «хоровод». «Хара-вод» понимался как танец любви, движение к гармонии и т.д.

Однако витязи-характерники были воинами. Здесь парадоксально сталкиваются любовь и война. Но парадокс кажущийся, так как казаки-характерники – это воины, ведущие брань с миром Навей (демонами), и только любовь является той тонкой, но прочной нитью, которая позволяет удержаться, не отступить, не стать слугой мира тьмы.

Славянская здрава.

В. Мешалкин, Е. Баранцевич, К. Тютелов.

Часть 1. Потомок Перуновых Хортов

Глава 1. Детство

С улицы послышался призывный крик. Кричали в унисон сразу несколько голосов, заставляя напрягаться собак на соседних подворьях, выказать свою нужность в деле охраны хозяйского добра, подать и свой голос, присоединяясь к призыву из-за забора.

–Сере-ожка-а! Сере-е-га-а!

Задвинутые матерью с вечера шторы не позволили лучам летнего солнца проникнуть в его комнату, а в открытое окно потоком попадал прохладный утренний воздух, не успевший прогреться до состояния полуденного жара. В окно снова влетел разноголосый призыв:

–Сере-е-о-га!

Соскочив с кровати, скрипнувшей панцирной сеткой, в трусах и майке подбежал к окну, отодвинув штору, на полкорпуса высунулся наружу.

–Чего?

–Айда гулять! Чего спишь так долго? Скоро девять уже!

–Щас! Подождите минут пяток, только оденусь, да хоть кусок хлеба проглочу.

–Давай! Мы тебя под вишнями подождем.

Сергей, малец, двенадцати лет от роду, жил, как и многие его друзья, на съемных квартирах, с отцом и мамой, учился в школе, а сейчас отрывался до поздних сумерек, «гоняя собак» на летних каникулах. Мама уже ушла на работу, оставив на кухонном столе нехитрый завтрак для «гулены», а отец на данный момент вообще отсутствовал в их доме, выполнял интернациональный долг в далеком Афганистане, командовал ротой, и имел звание капитан. Сергей гордился отцом, очень скучал за ним, но знал, что в отличие от гражданских, кадровые военные не могли себе позволить постоянно находиться с семьей. Придет время, и он, так же как отец, наденет офицерские погоны, будет кочевать по гарнизонам, а если потребует, то и воевать. Это даже не обсуждается.

Поселок Листвянка, затерянный в Оренбургских степях, представлял собой вытянутые по обеим сторонам асфальтированной дороги, километра на три, ряды подворий, с добротными одноэтажными домами и хозяйственными постройками. Зажиточными хозяйствами в СССР мог похвастаться не каждый населенный пункт такого масштаба, но здесь все дело было в том, что коренное население поселка составляли немцы, переброшенные сюда с незапамятных времен, освоившиеся, и основательно пустившие корни. Их тяга к порядку, передававшаяся с молоком матери и умелое ведение хозяйства, сделали свое дело, в Листвянке было все для нормальной жизни: своя водонапорная башня, своя электростанция, котельная, клуб, мельница, даже гаштет, где старшему поколению односельчан можно было провести время в коллективе друзей, а не только вкусно поесть. Глядя на местную живность, можно было подумать, что коров моют по два раза на дню, а кормят больше, чем это необходимо. Отары овец радовали глаз любого, кто в этом хоть чуть-чуть разбирался. Помимо того, что каждое семейство растило на дому свиней и бычков, совхоз тоже содержал свиноферму, вынесенную вместе с коровниками километров на семь от поселковой усадьбы. Орднунг ист орднунг. Если ко всему этому прибавить сахарный завод, поля, засеянные злаковыми культурами и картошкой, то картина зажиточного поселка сложится полностью.

На одном из концов населенного пункта Листвянка, с правой стороны от дороги, как раз в том месте, где асфальт плавно переходил в проселок, раскинулось хозяйство армейской части, в которой служил отец Сергея. Это была вторая воинская часть, которую помнил парнишка в своей сознательной жизни, где продолжилась служба отца после переезда. Здесь и в школу

пошел, и друзьями обзавелся. Жили счастливо, и если бы не командировка отца, да вот еще бы мать не так часто болела, совсем бы хорошо жили. У матери было слабое сердце, берегли они с отцом маму, как могли, вот только государству было все равно. Уезжая, отец сказал:

– Береги нашу маму, сын.

Сергей старался. Учился хорошо, помогал, всячески пытался не расстраивать. Скоро у отца отпуск, и так уже больше года не виделись. Приедет, втроем махнут на родину отца, будут рыбачить, отдыхать, отрешившись от повседневных проблем, но это будет потом, уже скоро, а сейчас, сейчас его ждут друзья.

На ходу, зубами отрывая куски от краюхи хлеба, пересекая палисад, давясь мякишем, с полным ртом поздоровался с соседкой, объемных размеров теткой, развешивавшей белье на веревке в соседнем дворе.

– Гутен таг, танте Магда!

– Доброе утро, дорогой, – улыбнулась мальчишке, дородная тетушка.

Калитка, смазанная рачительным хозяином, без скрипа закрылась за спиной, выпустив парня на оперативный простор. Сергей вприпрыжку побежал к заветному месту, месту встречи немалой ватаги поселковой детворы примерно одного возраста. Вот и высокий забор, выкрашенный зеленой краской, старые вишневые деревья перед ним, посаженные густо, скорее, для создания тени в степном районе, чем для получения урожая. Сережка издала, в густой вишневой поросли заметил скопление однокашников, в его ожидании смоливших «Приму».

– Ну, тебя ждать! – крепыш с рыжими выющимися волосами Рольф, помотал головой.

– Куда пойдем? – перешел в наступление опоздавший. – На дамбу или на реку?

– Не, на дамбу не пойдем. Жарко на «болоте».

В степи очень часто в местах, где на поверхность земли выходили воды ручьев, низменности между пригорками перекрывали насыпными дамбами, создавали искусственные водоемы для того, чтоб напоить скотину на выпасе, там же разводили рыбу. Такие водоемы были ненадежны, в слишком жаркое лето могли высохнуть, но чаще все же, выполняли свое предназначение. По берегам этих искусственных прудиков не росли деревья, они просто не могли там выжить, и голая, горячая степь подходила к самой воде. Иное дело река. Ее берега прорезали степь в километре от Листвянки, густо поросли ивняком и вязами. Вода не жадничая, отдавала свою прохладу и влагу прибрежной полосе зеленой поросли. Подманивала детвору к нешироким пляжикам, заставляла принимать загар, по часу играть в «жука», а если та перегревалась, укрывала под листвой деревьев. Заросли луговой земляники, подступавшие к берегу, угощали проголодавшихся ребят сладким лакомством напоенных солнцем ягод.

Большой гурьбой, шаркая ногами, цепляя сандалиями и кедами пыль на протоптанной десятками ног узкой дороге, ведущей на речку, ватага, громко переговариваясь, двинулась купаться. Со стороны можно было сразу определить, что в столь хлопотном и разномастном коллективе уживаются сразу два лидера, не устраивая конфронтации между собой, они, скорее всего, дополняли друг друга. Сережка и его лучший друг Рольф, рыжий крепыш и одноклассник Сергея, с которым тот сидел за одной партой вот уже четыре года. Вот вокруг них-то и скупковалась сия компания, готовая на многие выдумки этих двух «генераторов идей».

Взрослые не обладают гибкостью взаимодействия в среде. Делят окружающих на различные группы для общения. Вращаются чаще всего в одной, ну двух выделенных каждым. Друзья – это святое. Но их, как правило, мало, а живут они не всегда рядом, особенно в среде военных. Соседи, ну это как кому повезет, а то иногда бывает.... Товарищи по работе. Знакомые. Земляки. Кунаки. Родственники. Да мало ли какая группа, еще отыщется на жизненном пути.

Дети – существа особого порядка, пока они дети. Даже попав в совершенно чужой коллектив, способны в короткое время освоиться в нем. И без влияния взрослых, нет для них ни национальных признаков, ни степени зажиточности родителей, ни языковых барьеров и другой наносной шелухи. В Листвянке детвора смешалась так, что играл роль только возрастной при-

знак. Ну не будет пятнадцатилетний пацан дружить с мелкими, он уже начинает заглядываться на девиц своего же возраста. Общих интересов нет. А у тех, у кого разброс возраста небольшой, нормально уживаются. Так, дети военных освоились в среде детей немецких «колонистов», и чувствовали себя превосходно. Мало того, немецкий язык для них стал поистине родным, во всяком случае, болтали они на нем, как на родном, часто переходя с русского на немецкий, и так же произвольно, обратно. Советский Союз, во главе с партией коммунистов, только казался творением нового строя, на самом деле, как был империей так нею и остался, приняв под крыло многонациональную общность – советский народ. В последние годы, детвора по высказываниям родителей могла делать вывод, что не спокойно на окраинах «империи». На юге бузят армяне с азербайджанцами, не могут в рамках одного государства поделить Нагорный Карабах. На западе подняли голову прибалтийские националисты, мутят умы простого народа. Но это так далеко от Листвянки, а правительство у нас умное, разберется, поправит, накажет, и снова будет во всей стране хорошо. Как говорят женщины: «Главное, чтоб не было войны!».

Вот как время незаметно пролетело. Сейчас уже, наверно, часа четыре. Только живот слегка подводит, кишки играют марш. Пора домой, рабочий день на исходе, скоро родители потянутся караваном в родные дома, к своему немалому хозяйству, хрюкающему, гагающему, мычащему. Наплававшиеся, загоревшие на солнце, уставшие за день от него и от воды, ребята, уже не вприпрыжку как утром, а степенно подались в поселок. Сколько энергии отняла река? Сколько радости общения, детской непосредственности, доброты, счастья бытия, восприятия действительности как таковой, унесли ее воды по течению?

Уже распростившись с друзьями и проследовав по улице дальше, к дому, который снимала его семья, Сергей издала заметил у ворот грузовик подпертый УАЗом командира воинской части, где служит отец. Десятка два соседей, женщин и мужчин, стояли вблизи калитки, тихо разговаривали, но не входили во двор. Сердце в груди екнуло, раненой птицей беспокойно запрыгало. Предчувствие беды накрыло с головой.

«Что там случилось?»

Ноги сами, казалось без его участия, понесли вперед. Заметившие его соседи примолкли, расступившись дали пройти во двор. У самого порога дорогу перекрыл сосед, дядя Рудольф, окликнув парня:

–Сергей, ты это..., – и замолчал, недосказав предложения.

–Что случилось, дядя Руди?

Широкая, огромная лапа соседа, потянувшись, прижала Сережку к себе, заставив прекратить попытки трепыхаться.

–Анна, позови полковника. Скажи, пусть выйдет, сын капитана Хильченкова пришел! – Рудольф окликнул стоявшую столбом молодую девушку, смахнувшую платочком слезу с лица.

–Да, папа.

Чуть отпущенный от мощного корпуса Сережка, увидел как с приступок веранды, ему навстречу спускается целая делегация в погонах. Первым шел небольшого роста, но широкий в талии, командир части полковник Ивакин, по прозвищу «Колобок», за ним замполит, майор Карабут, из-за плеча которого проявлялась шклявистая и длинная фигура военного врача части, с незапамятных времен прозванного солдатами «Бледная Спирохета». Все трое имели помятый, несчастный и озабоченный вид, все трое пытались отвести взгляд от вопрошающих глаз пацана, только доктор мазнул липким, оценивающим взором по Сергею.

Видя, что появились официальные лица, Рудольф отпустил мальчишку, лишь осторожно придерживая его за плечо, контролируя его эмоции. Колобку все же пришлось встретиться с глазами ребенка. Нервно поморщив короткие рыжеватые усишки под носом-картофелиной, он принял надлежащий случаю вид, прокашляв першение в горле, произнес:

–Ты парень уже взрослый, Сергей. Видишь, в жизни бывает.... – перевел дух, настроился на официальный язык. – Сергей Викторович! Ваш отец, капитан Хильченков Виктор Павлович, пал смертью храбрых выполняя интернациональный долг в республике Афганистан. Посмертно представлен к награде Родины.

Словно оправдывая суконные слова, сказанные бледному как полотно мальцу, замполит потеснил плечом командира.

–Сережа, ты прости, что нас тогда не было с ним рядом. Но раз уж такое случилось, часть, товарищи твоего отца, мы все позаботимся о тебе. Даже не сомневайся в этом!

«Господи! Как переживет смерть отца мама?» – промелькнула мысль в детской голове, другие мысли побежали по серым клеточкам, и Сережка не сразу понял речи доктора, надтреснутым говором объяснявшему ему что-то.

–... слабое сердце, мы все знали ..., вот и не смогла пережить утрату.... ...помочь не могли....

Словно через вату слова доносились к мозгу. Часть из них терялась вместе со смыслом сказанного. Все внутри Сергея заledenело, обернулось застывшей смолой. Слез не было, только при шаге, сделанном к веранде, все тело повело, а в голове как будто кто-то выключил свет.

Просто темнота, просто благодать! Не надо ничего, ничего не надо! Необъяснимая сила выхватила его из небытия и потащила к свету, заставила перестать упираться и бороться с ней. Не хо-о-чу-у! Пусти-и-и! Сила без слов вытолкнула его на поверхность и отступила, предоставив самому решать свои проблемы.

Понял, что лежит на кушетке в гостиной, а вокруг него раздавались знакомые голоса. Не открывая глаз, прислушался к разговору находящихся в комнате людей.

–Он когда очнется? – адресованный доктору вопрос пропитался командными нотками.

–Ну, вы же сами все видели, товарищ полковник. Нашатырь не помог. Я уж думал, что у него как у матери, сердце слабое. С непрямым массажем побоялся. Пульс еле прощупывался, давление низкое, шестьдесят на ноль. Зрачки расширены. Я ему два куба кордиамина ввел, потом еще и кубик кофеина. Не волнуйтесь, скоро придет в себя.

–Ох, Вениамин Витальевич, ты посмотри, посмотри как он?

Сергей почувствовал, как на его руку наматывают повязку, потом услышал звук ручного насоса и руку сдавливают мягкие матерчатые тиски.

–Я же говорил, скоро придет в себя.

–Дальше-то, делать, что с ним будем? Теперь ни отца, ни матери, родни и то нет.

–Как так? – послышался шелковый голос замполита.

–Я личное дело смотрел. Нина, детдомовская. Виктор последний в роду, казак с Кубани.

–Последний перед нами лежит, – поправил командира замполит. – Нам с вами, Николай Иванович, скорей всего, этого последнего тоже в детдом пристроить придется. У нас в Советском Союзе такие заведения, лучшие в мире. Не дадут погибнуть.

–Ты такие речи особисту плети, ваш общий хлеб. Мне про это не говори. Ты своих детей в такое заведение отдашь?

–Ну, и что вы предлагаете?

–Пока не знаю. Распорядись, пусть цинковый гроб солдаты снова на ЗИЛок погрузят. Отвезешь в гарнизонный клуб. Нечего парня рядом с погибшим отцом на ночь оставлять. Никанорычу скажи, пускай в холодной у доктора Нину измерит, и гроб для нее сварганит. Завтра гарнизон простится с усопшими, захороним, вот тогда и подумаем.

–Понял, есть! Вы как всегда правы, Николай Иванович.

–Он приходит в себя, – оповестил доктор.

–Ну, ты как, Сергей?

Сережка исподлобья глянул вслед замполиту.

–Нормально, – сам же и не узнал своего охрипшего голоса.

–Ну-ну! Тут брат.... Тяжело. Хочешь, на ночь к соседям отведу. Они люди добрые.

–Не. Я дома. Спасибо вам, Николай Иванович.

–Господи, да за что? За то, что батьку твоего в командировку послал? За то, что из нашей части он там не первый голову сложил? За это спасибо?

Сергей промолчал.

–В общем, так, не хочешь к соседям, оставайся здесь. Только я к тебе ночевать кого-то пришлю. Согласен?

–Угу.

Присланный Ивакиным солдат, давно спал, судя по нему, гоняли их в Советской Армии неслабо. Сам Сергей, после треволнений тяжелого для него дня, забылся между сном и явью. Просто спать в эту ночь он не мог. Полная луна, висевшая низко, своими лучами вползла в открытое настежь окно. После полуночи, в голубоватых лучах ночного светила, все предметы в комнате приобрели, какой-то неизвестный ранее объем. Послышались шаги в гостиной. Легкие, такие знакомые и родные. Так ходит мама.

Красивая молодая женщина вплыла в пучок лунных лучей. Лицо ее озарилось доброй улыбкой. Сережка попытался вскочить с кровати, броситься к ней, обнять, прижаться к ее телу, вдохнуть запах матери. Мать жестом остановила его порыв.

–Нельзя, сына!

–Мама, как же так?

–Так получилось, Сереженька. Нет мне жизни без нашего папы. Спели мы свою лебединую песню. А, ты сыночек родной живи и будь счастливым. Встретишь еще в своей жизни свою лебедушку!

–Мама, я не хочу оставаться один.

–Ты не один, и не последний в роду, как думает Ивакин. Есть человек, который примет и обогреет тебя. Старый он, правда, но силушкой его бог не обидел. Поднимет тебя на крыло, а там уж сам. Мы к нему в отпуск с папой и тобой собирались. Запоминай, Хильченков Матвей Кондратьевич, прадед твой. А может даже прапрадед, отец сам толком не разобрался. Путь твой лежит на Кубань-реку, там недалеко от станицы Старолуганской, на одном из притоков реки, его хутор. Сам он там живет. Как нас с папой проводишь, так и езжай к нему.

–Мама, я вырасту, поеду в Афганистан, я отомщу за отца.

–Глупыш, не надо ни за кого мстить. Не держи зла в сердце. Тем более война уже этим годом закончится. Прости, пора мне, тяжело тут находиться. Прощай сыночек, береги себя.

Женщина направилась на выход из спальни сына. Коснувшись дверного косяка, на мгновение оглянулась.

–Сережка, прикрой кран на кухне, вода течет, твой гость его вечером неплотно закрутил.

–Спасибо вам с папой за все. Я буду всегда любить вас!

Шаги женщины пропали, растворившись в ночи. Сергей поднявшись, прошел на кухню. Из незакрытого крана тонкой струйкой стекала вода.

–Мамочка, я буду всегда любить вас, – прошептал он.

Закрыв плотно кран, прошел к своей кровати, прилег, и тут же отключился в крепком сне. Любовь матери, это великая сила, непознанная ни учеными, ни диктаторами, ни простыми людьми. Она просто есть!

Сам процесс похорон, отложился в памяти у мальчишки смутно. Восковое лицо матери, да закрытый гроб отца, много цветов, и надрывный женский плач.

На следующий день, через ворота КПП Сергея провели к Ивакину. В кабинете находился и майор Карабут, подтянутый лощеный, со слегка лысеющей головой, со скудной планкой юбилейных медалей на груди.

–Входите, молодой человек! – улыбнувшись, предложил он.

Писавший что-то за столом командир части отвлекся.

– Проходи Сережа.

– Товарищ полковник, – официально обратился Сергей. – Я по поводу моей дальнейшей жизни. Разрешите?

– Ну, что ж, давай. Твои предложения?

– Николай Иванович, отправьте меня к деду.

– Это, к какому-то, деду? Откуда ты его выкопал?

– Ну, не совсем к моему деду. К деду моего отца.

– Та-ак! – рука полковника произвольно потянулась к макушке, предстояло поразмыслить над информацией.

– Гражданские власти не пропустят такого усыновления. Прадед-то, небось, стар?

Сверкнув глазами на замполита, парень перешел в наступление.

– Оно конечно проще, перед лицом товарищей говорить одно, а сына погибшего капитана, сдать в детдом. И власти пропустят!

– Но-но, думай что говоришь, и кому говоришь!

Полковник снял с рычагов телефонную трубку.

– Начальника штаба ко мне!

Стоявшему навытяжку седому подполковнику поставил задачу:

– Сейчас забираешь Хильченкова младшего, все у него выясняешь, оформляешь в сопровождение старшего лейтенанта Шкуратова, он сам с Кубани. Обеспечишь проездными документами. Я все подпишу.

– Есть!

– Да-а! Василь Василич, вместе с замполитом соберите для мальчика комплект документов, на все случаи жизни. Чтоб ни одна гражданская морда на хромой козе объехать не смогла. Уловил? Вась-Вась, ну ты же можешь!

– Сделаем, командир!

– Ну, вот и добре!

Прощание с друзьями не затянулось, Сергею было не до него. Ивакин держал слово. Сутки потребовалось на все нюансы бумажных заморочек. Сопровождающий, в прошлом подчиненный отца, Сашка Шкуратов, подъехал на УАЗе к воротам, теперь уже ставшего чужим подворья, вместе с водителем загрузил в «собачатник» нехитрые пожитки, которых и было-то не так много. Не нажили. А всегда казалось, что всем обеспечены, лишнего и не нужно. Толпа друзей обступила его со всех сторон. Лица ребят смурные, расстроенные, слезы из глаз готовы пролиться в любой момент.

– Уезжаешь? – Рольф заглянул в глаза друга.

– Да, не увидимся больше.

– Ну, это жизнь покажет. Вот, – рыжий протянул охотничий нож в кожаном чехле. – Ты же хотел, я знаю. На память, помни, что у тебя есть друг.

– Спасибо!

– Сережка, пора. Нам еще больше сотни километров по степи пилить, да на полустанке на поезд садиться. Поехали.

УАЗ проехав по асфальту поселковой дороги, оставив позади стройные ряды ухоженных домишек, соскочил на проселок и попылил по нему, оставляя шлейф серой пелены позади себя. Сергей не догадывался, что там, позади, оставалось его детство.

Глава 2. Дед

Чем дальше удалялись к югу, тем больше природа отличалась от пройденного пути. Поля засеяны, беленые хатки виделись издалека, высокие пирамидальные тополя у дорог приклеивали к себе взгляд. Сама атмосфера южного края подкупала новизной, завораживала необычностью. Воздух и тот казался иным, каким-то радостным, привольным, ласковым. Оренбургские степи тоже вольные, бескрайние, но они какие-то другие. Накопившаяся за дорогу усталость брала свое, под монотонный стук колес Сергей проваливался в сон, а просыпаясь, опять погружался в невеселые мысли. Жалел себя, ощущая свою никчемность, сиротскую долю. И снова дорога отвлекала от мыслей. По вагонному коридору прошла дородная тетка в униформе, проводница, оповещавшая о предстоящей остановке. Заглянув к ним в купе, мельком мазнув глазами на порядок, провозгласила:

–Ваша станция, мальчики. Сдаем белье и готовимся к выходу!

–Пора. – Поднялся на ноги офицер.

На пристанционной площади, ничем не отличавшейся от тысяч ей подобных на просторах Союза, Сашка взял такси. Раздолбанная «Волга» желтого цвета, с шашечками на дверях, оказалась востребованной у богом забытого полустанка с одноэтажным зданием барачного типа сталинской постройки. Советский офицер мог себе позволить такую роскошь. Узнав название станицы, водитель, пузатый дядька с седой, жесткой, как проволока шевелюрой, расплылся в понимающей улыбке.

–Ага, к деду нашему, Матвей Кондратичу пожаловали.

Шкуратов хоть и был удивлен таким утверждением, но вида не подал. Натянув на лицо маску официоза, с серьезной нотой в голосе, согласился.

–К нему.

Машина с напрягом выработавшего ресурс двигателя, со скрипом в рессорах сдвинулась с места и, набирая скорость, шурша шинами в открытые по причине жары окна, пронеслась вдоль улицы небольшого населенного пункта. Выруливая на шоссе меж колосившихся желтизной полей пшеницы, водитель словоохотливо продолжил разговор.

–Так это вам не в станицу, это к нему на хутор треба ехать. Али на ночевку зараз к кому определить, а опосля уже к деду?

Во дела! Зачем их сватать к кому-то на постой? Не нужно такого добра, как-нибудь сами разберутся.

–Вези сразу на хутор, – распорядился старший лейтенант.

–Ну-ну! Вам видней. Дед может и на порог не пустить. Своеобразный человек. Ха-ха! – таксист, оборвав смех, скривился, словно лимон укусил, походя, коротким предложением выразил субъективное мнение о человеке, к которому вез постояльцев. – Старый черт.

Помолчав, долго не смог держать паузу, заговорил, просвещая приезжих.

–Помню, москвичей привез, так он им в калитку не дал зайти. Собака у него, волкодав, ростом с годовалого телка, так разорялась, чуть цепь не перегрызла. А он вышел, кажет им: «Езжайте, откуда приехали. Нечего мертвякам у меня на дворе делать!». Не пустил, так ведь и уехали. А у вас какие проблемы, ежели не секрет?

–Да никакого секрета нет. По-родственному едем.

–Откуда это у колдуна родственники могли взяться?

–Какого колдуна? – спросил Сергей.

Таксист с подозрением и интересом одновременно, глянул на мальчика в зеркало заднего вида.

– Да, деда Матвея. Я не понял, вы разве не лечиться приехали? Это он у нас знаменитость всесоюзного значения. К нему со всех концов страны болящие, словно пчелы на мед слетаются. И откуда, только знают, что есть такой на Кубани?

– Езжай на хутор, батя, – проговорил Шкуратов. – Там видно будет.

У самого въезда в большую станицу, с бросающейся в глаза покосившейся маковкой церкви виднеющейся на пригорке, таксист повернул вправо, вставая колесами на наезженный летник, змеившийся по степи. Провез мимо балки с нависшими над самой дорогой тяжелыми ветвями дубов, обогнул ее по самой кромке, и прибавив скорости, попылился вдоль русла неширокой реки, сноровисто несущей мутные воды.

– Кубань, мать казачья! – восторженно произнес Шкуратов, глядя на реку, поросшую по берегам камышом и осокой.

– Тю-ю, – глянул на офицера водитель. – А, ты разве наш? Кубанский?

– А то ж, природный казак, станицы Ильинской.

– Земляк значит, – выворачивая руль и выезжая к деревянному настилу моста, произнес водитель. – Не, это не Кубань. Кубань по левую руку у самой станицы протекает, а это ее приток, Горлица. Речка так себе, виляйка, не на всех картах и название-то увидишь. От Кубани отпочковалась, да недалече и ушла, вон в плавнях и растворяется.

Проехав мост, оказавшийся на поверку довольно прочным сооружением, машина на первой передаче пошла на крутой подъем.

– А вот и хутор деда Матвея.

На миг над автомобилем пронеслась какая-то тень, прикрыв, словно туча дневное светило, и на лобовом стекле напротив водительского места, с глухим стуком расплылась уродливая пляма какой-то вязкой, желто-серой субстанции.

– А-а! Зар-раза! – негодуя взревел таксист.

Почти по пояс, не смотря на габариты, высунувшись из окна, помахал кулаком, для пассажиров непонятно кому.

– Это что было? – спросил Сашка, пытаясь, наклонившись рассмотреть через стекло, откуда такое добро свалилось, считай на голову.

– Дедов насельник это. Зар-раза! Ведь всего-то один раз и оскорбил его словами, а эта злопамятная скотина, теперь всегда обсирает машину. Вот, мыть придется!

– Да кто это был?

– Ворон у деда прижился, в рот ему ноги!

Замолчал, видно что-то соображая в уме. Дорога, поднимаясь на возвышенность, привела напрямик к высоким воротам, покрашенным зеленой краской, от которых в обе стороны расходился забор из плотно подогнанных друг к другу досок, совсем не похожих на горбыль. Из-за забора виднелась двускатная крыша дома с торчавшей над ней телевизионной антенной. На горизонтальной балке поверх ворот, приезжие хорошо разглядели уцепившуюся когтистыми лапами птицу черного цвета, с синеватым, металлическим отливом перьев, со светлой проплешиной на голове. Острый сильный клюв, совсем не малых размеров, заставлял призадуматься о последствиях от удара по голове таким предметом. Хорошо были видны и глаза пернатого сторожа, их радужная оболочка темно-бурого цвета, казалось, с насмешкой направлена на приезжих.

– Ка-а-аг! Ка-аа-аг! Кр-рух! – громким трубным, гортанным голосом прокаркала пернатая особь.

– Злыдня! – едва слышно буркнул водитель.

Тут же из-за забора подала голос и собака хозяина хутора.

Таксист, развернув машину, стал напротив ворот на наезженное следами шин место импровизированной парковки. Отвалившись спиной полностью назад, с интонацией исполненного долга молвил:

–Приехали. Пора рассчитаться командир, с тебя червонец, как договаривались. Старлей протянул радужную бумажку советской ассигнации.

–Держи!

–Премного благодарен. Эх, люблю возить военных! Не жадные.

Быстренько разгрузив багажник, таксист, взмахнув рукой, сорвал с места машину, оставив приезжих стоять перед закрытыми воротами. Сергей поежился, глядя на приумолкшую птицу, размером с откормленную курицу, продолжавшую умным взглядом наблюдать за незнакомыми ей людьми. Во дворе раздался звук хлопанья двери, тяжелые, но отнюдь не стариковские шаркающие шаги приблизились к воротам, попутно басовитый голос произнес, обращаясь к четвероногой хранительнице подворья:

«Что там, блохастая? Никак гостечки к порогу пожаловали?».

Напевное поскуливание, и калитка без скрипа распахнулась настежь, явив перед очами путников кряжистого великана, одетого в шаровары с красными лампасами по бокам, безрукавку поверх рубахи, на голове высокая баранья папаха. Окладистая густая борода и насмешливый прищур глаз, дополняли живописный внешний вид хозяина хутора. Увидав столь одиозную фигуру, совсем не вязавшуюся со временем развитого социализма, оба парня от неожиданности, в прямом смысле пооткрывали рты. Хмыкнув, дед первым заговорил.

–Вечор добрый! Знаю, с чем пожаловали. Обоих вас и ждал. Заходите в курень, – посторонился, давая пройти во двор. – Куда двинули? Ну и гулявые ж вы оба. Я штоль, за вас бутарь несть буду?

От непонятных слов Сергей пришел в замешательство. Сашка легонько толкнул его в плечо.

–Идем, шмотки занесем, – шепнул он напарнику. – Вишь, дед обвиняет, что мы его в роли носильщика использовать хотим.

–А-а, понял.

Вдвоем, затащили Сережкины чемоданы и баул во двор. С опаской поглядывая на собаку огромных размеров, спокойно сидевшую на цепи у конуры и тоже изучавшую пришлых, пробрались мимо нее к самому входу в дом, уперлись в дверь. Дед, следовавший позади них, командовал:

–Врата плечом подтолкни! Чего встали? Во влазни обувку сымай, некому мосты каженный день мыть.

Побросав в прихожей пожитки, вдвоем вошли в горницу, опрятную чистую комнату на два окна, с громоздким круглым столом посредине, с иконами в углу, с тлеющей лампадкой под ними. Мебель, в отличие от деда, была современной, Сашка сразу признал в ней импорт. Через проход в соседнюю комнату, вовсе не имеющий двери, гости увидели диван и громоздкий цветной телевизор «Фотон». В открытую форточку одного из окон просунулась уже знакомый «профиль» с огромным шнобелем и глазами-бусинами. Любопытная птица решила поприусловствовать при разговоре.

–Сидайте, – кивнул дед в сторону стола. – С дороги устали, гасить вас буду.

Хозяин жестом заставил умолкнуть, начавшего было произносить приготовленную речь Шкуратова. Сноровисто выставил на стол нехитрую, но вкусную, деревенскую снедь. В центр круга припечатал тонкого стекла графин с прозрачной жидкостью внутри. Глянув на образа, размашисто перекрестился. Усаживаясь на стул, недовольно пробурчал в адрес гостей:

–Бизверники! О-хо-хо, кушайте!

Когда первый голод отошел на задний план, хозяин налил содержимое графина в две стопки, одну из которых пододвинул Сашке.

–Ну, с молодым опосля разберемся, нам с ним гуторить не к спеху, родную кровь я завсегда узнаю. Ну, а с тобой! ... Чей ты?

Может быть, Сережка и не понял бы заданный дедом вопрос, но Сашка, родившийся в Краснодарском крае, знал, что спрашивают его о родителях. Ответил:

–Шкуратов Александр Николаевич, родом из станицы Ильинской.

–Ага, значит казак. Знавал я Кондрата Шкуратова, лихим рубакой был. Со своими двумя старшими сынами за белых воевал, два младших у красных обрелись. Он из Крыма в двадцатых на чужбину подался, да там и загинал. А ты, видать, от одного из остатних происходишь. Добрый род.

–Дедушка, так, сколько ж вам лет?

–А, чего это ты, бурлачака чужой век считаешь? Сколь прожил, все мои! Кому какие дела до этого? Так ты, знать тума, ага?!

–А, вы, значит не тума?

–Не, мы здесь люди пришлые. Мы свой род с верховьев Дона ведем, – наливая еще по стопке самогонки, произнес дед Матвей.

От обильной еды, глаза Сергея стали слипаться, сон гонялся за ним по пятам.

–Идем внучок, укажу, где тебе благо выпастся будет. А мы с твоим товарищем еще побалакаем.

Отвел мальчишку к застеленной кровати.

–Схочеш до ветру выйти, вон в те ворота ступай, найдешь.

Усевшись на место, подлил в стопки.

–А давай еще вотицы выпьем! – предложил парню, а выпив, молвил. – Теперя давай, кажи, шо там случилось с семьей Сережки.

Долго еще сидели за столом молодой парень и старик. Долго и обстоятельно рассказывал Сашка, как сопровождая колонну техники, от руки снайпера погиб капитан Виктор Хильченков, как не выдержало сердце у Нины. Сказал, как после похорон замкнулся в себе Сергей, и нелегко будет деду Матвею согреть заledenевшее сердце мальчишке. Под конец разговора Матвей спросил:

–Скольки суток у тебя отпуск?

–Стандарт. Две недели.

–Нонича спать лягай. Завтрева и послезавтрева гостюешь у меня.

–Не, я свое дело сделал, мальчишку довез, на руки сдал. Меня дома ждут!

–Глупак, внимай, что тебе старый кажет. Три дня проживешь у меня, вон хоть с Сергеем рыбалить ступайте. Объясню все опосля. Так правильно будить. Спать иди, поздно уже.

С первой зорькой на двор вышел дед, видать не спалось старому. Послышалось поскуливание дворовой псины и карканье пернатого. На звуки из дома потянулись приезжие, день обещал быть жарким.

–И чего повскакивали, ни свет, ни заря? – попенял молодежи дед, хоть и было заметно, что доволен. – Ладноть, коли так. Ну, Сашко нашу жизнь сызмальства знает, а тебе Сергунька, може интерес будить. Айда, казачий курень подывышся! Я его не так, как ноне строят, лепил, все по технологии предков с Дона зроблено.

Неугомонный дед повел Сергея на экскурс его нового жилища, ну, а Сашка от нечего делать увязался за ними, да и охота была взглянуть поближе, что в доме не так как у его бати.

–Первый этаж куреня у нас низами зовется. Вот смотри, в центре строения комната без окон, но с небольшими отверстиями в стене. Донские казаки и посейчас зовут ее «холодной», в ней постоянно поддувает сквознячок, остывший в окружающих эту комнату каморах. В прежние времена в холодной хранили провиант, та урожай с городов, горы яблук, кавунов, гм..., по-вашему, арбузов будет, развешанный на нитках на сквознячке виноград. Помню, в батином курене, вся семья собиралась в полдень, в самую жару, когда над степью плывет в пыльном мареве испепеляющее солнце. Бывалыча, расстелешь кошму на прохладном глиняном полу, и

взвар попиваешь, али ешь ледяные шипящие соленые кавуны. У меня тут, окромя трав, редко что хранится.

Развешанные на бечеве метелки, пучки трав, действительно сладко пахли. Каморы, при помощи окон-отверстий, узким коридором окаймляют холодную по периметру. Старый кивнул на одну из комнат.

—Когда-то здесь в нишах хранилось оружие. Узкая, единственная дверь, обязательно должна открываться во внутрь, чтобы легко было подпереть ее бревном или камнем.. Войти сюда можно только по одному, согнувшись под низкой притолокой. Надеюсь, понятно для чего?

—Ясно, Матвей Кондратьич, раньше наши станицы стояли в самом настоящем пограничье, вот и строили хаты по принципу: «Мой дом — моя крепость», — откликнулся Александр, с интересом разглядывая, считай нижний, по-современному, цокольный этаж.

—Ну и добре. Наверху вы ночевали. Ежели не все рассмотрели, сами глянете. Курень, это не просто постройка с комнатенками. Выходя из кухни, вновь попадем в коридор, расположение комнат по кругу, откуда мы вошли, туда же мы и вернемся.

—Прикольно! — восхитился Сережка.

Сегодня Сергей более детально рассмотрел в переднем углу залы, напротив входа божницу, имевшую несколько икон в богатых серебряных окладах, тонкое металлическое покрытие на иконе, оставляющее открытым только изображение лиц и рук. Перед божницей висела лампада. Между самими иконами висели в маленьких пучках засушенные травы. Все стены залы, чем-то напоминали музейные экспозиции, увешены оружием. Ружья, сабли, кинжалы, пояса с серебряными пряжками, сафьяновые мешочки, оказавшиеся на поверку древними подсумками для патронов...

Перед самым отъездом дед Матвей, оставшись наедине, придержал Шкуратова.

—Прощевай Сашка, младший из рода Шкуратовых, казак станицы Ильинской. Не поминай лихом старого ведуна. Я тут твою судьбину слегка подправил, не серчай за то. За добро, завсегда добром платить треба. Приедешь додому, а невеста твоя, галаплешинка, позавчерась замуж выскочила, не дождалась тебя. Шалава. Не грусти, покажуешь еще четыре года, на красавице молодой женишься. А через восемнадцать лет генералом станешь, правда через две войны пройдешь, и это будет в другой армии. Прощевай, душа моя, будь молодцом и не дуркуй в своей станице, когда додому доберешься.

Глава 3. Становление на крыло

Непросто оказалось Сергею обжиться в чужом для него месте, непросто было привыкать к вновь обретенному родичу. Дед не торопился влезать в раненую душу праправнука, принуждать его окунуться в новую жизнь. Он просто находился рядом, казалось, даже чувствовал настроение и помыслы сироты, пытавшегося жить одиночкой в доме Матвея.

К Матвею Кондратьевичу периодически приезжали люди, кто из ближних станиц, кто издалека, прослышав о человеке который мог побороться со смертельным недугом, разуверившегося во всем человека. Иные оставались в гостях надолго, и тогда дед селил их во флигеле, выстроенном для таких целей рядом с домом. Уж что он там делал с больными, Сергей старался не знать и не видеть. Только каждое утро старый ведун практически на руках выносил болящего на солнышко, вместе с собой заставлял повторять движения конечностями и всем телом, что-то тихо шептал над ним. Сергею становилось иногда не по себе, а чаще всего даже смешно при виде того как дед льет воду принесенную из реки на голову слабому и больному человеку, а тот раскрыв широко глаза, с надеждой смотрит на старика. Родственники болящих, на время лечения оседали в станице, и по приказу деда, даже нос не казали к хутору.

Принимал дед к себе не всех, относился к пришлым избирательно, что заставило Сережку задуматься над его поведением. Но все же, душа мальчишки к происходившему вокруг него оставалась холодной, и он обходился без лишних вопросов. По приезде очередного больного, сам дед выходил к воротам, здоровался с родичами, а оставляя человека у себя на лечение, говорил его сопровождавшим:

«Берусь лечить божеством. Якшо поможет, выдерну яго с того свету. Не треба спрашати об плате. Не отвечу, сам не ведаю. Сколь хотите, столько и оставляйте, и деньги мне до рук не суйте, вон под стреху положте. Якшо нет их у вас, так хоть десяток гладышей треба принести. Иначе нельзя, бо болячка возвернется. Каждая работа предполагает оплату»

И Сергей стал замечать, как люди уходили от деда на своих ногах, со счастливыми, одухотворенными лицами, а сам дед воспринимал все как должное. Ни печаль, ни радость не скользила в чертах его морщинистого лица.

Бывало, дед и сам отлучался из хутора, иногда его не было пару-тройку дней. Сергей не скучал, либо рыбалить ходил, либо книжку читал. Если кто из временных поселенцев флигеля находился на месте, носил ему еду, но почти не общался. Минуло лето, наступила осень, и младшему Хильченкову пора было идти в школу. Каково же было его удивление, когда в последних числах августа дед подвел его к столу и указал на школьные учебники, портфель и два комплекта школьной формы.

– Учись Сергунька, это дело не легкое, тем паче для тебя, в полном смысле слова. Отсель до твоей школы верст пять пехом будить, никак не меньше. А к нагрузкам тебе привыкать треба.

– Спасибо вам, – только и промолвил мальчишка.

Школа. Добрая пора детства. Только выпустившись из нее, понимаешь, насколько это было счастливое время.

Школа встретила чужака не матерью, а мачехой. Что поделывать, учительский состав сплошь представители партийной интеллигенции. Комсомольская организация, недремлющее око молодых помощников партии, а приход в класс новенького в пионерском галстуке, но являвшегося внуком непонятно в кого верующего отщепенца, мог снизить общие показатели по школам в районе. Да и взгляд у мальчишки, словно у затравленного волчонка. Непорядок это.

В первый же день Серегу прощупали на прочность одноклассники. Сесть пришлось за парту одному, да и то на галерке. Все шесть уроков с ним никто не проронил ни слова. Вот

учителя, те по всем предметам постарались оторваться, погоняли по всему материалу, да так, что потел он не слабо, но не сдавался, стиснув зубы, отвечал.

«Спасибо мама, за то, что помогала мне все эти годы делать уроки. Это твоя заслуга, что я выстоял», – мысленно помянул мать Сергей.

Учительница иностранного языка после урока подозвала Сережку и, переходя на немецкий язык, затеяла с ним неформальную беседу, пользуясь терминологией деда Матвея: «Чей ты?»

Для Сергея сегодня это был уже пятый урок, и нервы его были у черты предела. Сверкнув волчьим блеском глаз, он, перейдя на ставший ему почти родным, немецкий язык, в течение пятнадцати минут вел рассказ о том – о сем, не вдаваясь в подробности жизненных неурядиц. Попутно осознав, что сама учительница знает язык на уровне университетского, классического образования, принятого страной Советов, типа:

«Это Шрайбикус, он живет в Берлине, и занимается тем, что ...».

Дальше по программе шли описания некоторых городов, рек и озер. Выучи все это и ты отличник по данной дисциплине. Что происходило в душе у немки? Многое из сказанного учеником, она просто не поняла, сленг он присутствует в языке любого народа. Ответный болезненный блеск в глазах женщины, Сережка ощутил физически.

А после школы была проверка на вшивость уже одноклассниками.

– Эй ты, внук колдуна, ходь до нас!

Десятка полтора добрых станичных мальчиков зацепили его по дороге домой.

– Чего ты к нам приперся? Нечего тебе здесь делать. Возвращайся откуда приехал.

Была драка, правда без фанатизма, но Сергея изрядно помяли, наставили синяков, вывалили в пыли и оторвали рукав на рубашке, а так ничего криминального.

– Ну, я как-то так и предполагал, – улыбаясь в усы, как приговор изрек дед.

Неделя пробежала в боях местного значения. В школе опрос с пристрастием, после школы бои без правил. Сергей, стиснув зубы, занимался зубрежкой. Дед выводил синяки на его теле. В воскресенье пацан отдыхал.

Беда пришла, откуда Сережка ее не ждал. В очередной раз прителепав со школы, застал деда лежащим в кровати. На бледном изможденном лице не было ни кровинки.

– Деда, что? – волнуясь, спросил внук.

Устало подняв веки, дед тяжело вздохнул. Видно было, что ему с трудом удастся разговаривать. Ответил:

– Оклемаюсь, не впервой.

– Да что произошло?

Матвей Кондратьевич отбросил одеяло с груди, и перед мальчишкой предстало ужасающая картина. Три широкие полосы, похожие на ожоги паяльной лампы, проходили от левого плеча, через зоны сердца вниз наискосок, к печени.

– Как это?

– Сам виноват, полез, хотя знал, чем может обернуться. Девочку сегодня поутру привезли с Украины. Вроде как «рак», – дед с трудом ворочал языком, но продолжал объяснять. – Отработка черного боевого мага. Я уж и не знаю, чем эта семья ему не угодила, но вот обреч дитё на смерть. И ворон ведь каркал, да я не внял. Думал спасу. Не спас, померла. Родители увезли уже.

– С тобой-то, что теперь делать?

– А что тут сделаешь? Помогай коли охота.

– Как?

– Ну, вот и первый урок для тебя, а то словно чужой, ничего видеть не хочешь, ремеслом родовым не интересуешься.

Дед с трудом уселся в кровати, Сергей подсунул ему под спину вторую подушку.

– Сядь на табурет так, щоб ноги твои не пересекались. Бери меня за обе руки. Так. Правильно. Закрывай глаза и думай о чем-то хорошем из твоей прожитой жизни. Отключись от всего и думай только о хорошем. Може боль спытаешь, не обращай на нее внимания, думай о хорошем.

Сергей, как под гипнозом, забылся в воспоминаниях. Он видел мать и отца, такими молодыми, какими он их уже и не помнил. Счастливые, улыбающиеся лица родителей. Они о чем-то спрашивали его, что-то рассказывали, но слов он не слышал. Волна чего-то горячего поднялась вверх к голове от центра живота, забурлила по крови, покалывая и беснуясь, с болью побежала по телу. Мать приблизилась к нему, жестами рук разогнала боль, а сила, курсировавшая по его жилам, стала приятной, даже прохладной, заставляла каждую клетку организма становиться чище. Сергей, как через вату в ушах, услышал голос деда:

– Все, все, достаточно на сегодня. Сергей, слышишь? Возвращайся!

Сережка открыл глаза. Дед пристально глядел на него, его лицо порозовело, а ожоги на теле превратились в уродливые шрамы, но это были уже не те раны, которые мальчишка видел совсем недавно.

– Что это было, дед?

– Мы с тобой включили потоки внутренней энергии человека. У знающих людей это называется Здравой. Колысь, мой батка поведал мне о силе, что нам дана, теперь его рассказ передам в наследие тебе. Слушай:

«Когда то, в седую старину породил небесный батка Коляда с матерью Даж-землею в час ночной грозы люд казачий, та и дал им землю от севера до юга, от моря до моря, от восхода до захода. Та и заповедал не ходить с той земли никуда и никому её не отдавать и дал брата своего Хорса на сторожу казачеству тому характерному, чтоб бе-регли ту землю денно и ночью. А чтобы справны были да сгуртованы, то докинув всем умений и мастерства своих казацких с неба, чтоб через казачий круг благословение его получали и знали бы, в чем сила их казацкая. И были бы от Батки своего сторожами света, а увидев черную ненависть безграничную и неправду, то не допускали бы её разумом меж товарищей своих, да до ворога лютые были бы. А от матери, земли грозовой, любовь безудержную к людям земли своей имели бы, – такую червонную, аж багрянную, як сполох небесный».

– И этому тебе придется научиться, а еще научиться всему, что должен уметь казак. Сейчас это все забыто, или спрятано людьми до лучших времен. Я и сам до Мишки Меченого этим только втихую занимался, да и сейчас приходится милицейским чинам деньгу отстегивать. Деваться-то некуда, со всеми сразу воевать, никаких нервов не хватит. Срамно конечно, но без войны людей при власти в домовину укладывать, хоть и по грехам их, то дело Богово. В какой стране живем? Иди-ка ты на кухню, там, в металлической коробке из-под цейлонского чая, травки сухие собраны, завари. Попьем сейчас с тобой нашего, казацкого чаю. Он нонича и для меня, и для тебя, полезительным будет. Я эти травки на Лубенщине собирал, недалеко от Мгарского монастыря. Силу они имеют невообразимую. Главной травой в сём напитке – емшан, он и здесь растет, конечно, да в том, что оттуда привезен, силы поболе будет.

– Не слышал о такой траве, – донесся с кухни голос внука.

– Ясно дело, не слышал, – уже бодрее отвечивал старик. – Ноне она зовется степной полынью. Горькая, словно казачья судьба. Кто на чужбине век свой доживает, а вышел из среды казаков, всю оставшуюся жизнь тоскует по родине, помнит горький, ни с чем несравнимый запах степи.

Дед поднялся через четверо суток, а шрамы на груди с каждым днем становились все бледнее и бледнее. Но с того самого дня, для Сергея началась новая жизнь, а дед для него стал близким и родным человеком. Произошедшее можно было назвать душевным единением. С раннего утра, до позднего вечера, Сережка по-новому постигал жизнь, и интересной она становилась для него, ничуть не меньше, чем в Оренбуржье.

К деду все так же, как и прежде подъезжали люди, и многих он оставлял у себя. Внук уже с интересом наблюдал за деяниями старого ведуна. Спозаранку бежал в школу, где все малопомалу устаканилось. Учителя не зверствовали, поняв, что новый ученик неприятностей не приносит, и никакой пропаганды не ведет. Комсомольская организация свое пристальное око за ним отрядила, но по докладам ничего существенного не выявила, и успокоилась. Друзей среди одноклассников у Сережки не случилось, а это и хорошо. После уроков школяр бежал с уроков на учебу к деду, а там было чему поучиться. Не столько медицине учил внука старый казак, сколько тренировал его взгляд, учил овладевать способностью излучать силу глазами, чтоб он одним только взглядом мог сдвинуть предмет или перерезать нить, учил Здраве, возможности ощущать в себе ток силы в различных частях тела: руках, ногах, голове, ну и естественно древнему искусству боя.

– Казачий спас, дар, данный нам предками, – говорил дед Матвей. – Его основа особая – заклинание. И мало выучить его слова, это любой глупак осилить могёт. Да будет ли от того прок? Нет. Необходимо уметь владеть своим телом, любым оружием и сокровенными знаниями. И знай, Серега, что Бог, он есть, а мы, характерники, общаемся с ним напрямую, минуя попов. Ты тоже смогёшь. Научишься. Узлы энергии в теле человека именуются «вихрями». Эти вихри глазу не видны, но знай, что они есть на самом деле. Положение второстепенных вихрей разбросано по всему телу, часть из них соответствует положению суставов конечностей: шесть верхних второстепенных вихрей соответствуют плечевым, локтевым и лучезапястным суставам и кистям рук; шесть нижних второстепенных вихрей соответствуют тазобедренным суставам, коленям и голеностопным суставам со ступнями. Когда ноги человека разведены не слишком широко в стороны, коленные вихри соединяются, образуя один большой вихрь. Местоположение и название девяти основных центров-вихрей таково: – первый, это род, находится в районе темени, его энергия имеет белый цвет; второй – швах, между бровей, он фиолетового цвета; третий – тар, горло, рот, цвет его – синий; дальше, кален, левая сторона груди, сердце, цвет – голубой; пятый – хор, правая сторона груди, зеленый; вол – солнечное сплетение, желтый; сак – живот, смотреть нужно в район пупка, оранжевый; малка – елда, али щель у женщин, цвет красный; ну, а девятый – даж, черный, это копчик. В здоровом теле все вихри вращаются с большой скоростью, обеспечивая силой всего человека. Когда же деяние одного или более из этих вихрей нарушается, поток энергии ослабляется или блокируется. У нормального здорового человека внешние границы вихрей довольно далеко выходят за пределы тела. У особо мощных и развитых во всех отношениях людей все вихри сливаются в одно плотное вращающееся образование, по форме напоминающее огромное энергетическое яйцо, – дед прокашлялся. – Обычный человек тоже напоминает яйцо, однако плотность поля в нем различна – сердцевина вихрей по плотности энергии существенно отличается от наружных границ. А вот у старого, больного или слабого, почти вся энергия вихрей сосредоточена вблизи их центров, внешние же границы вихрей зачастую за пределы тела не выходят. Самый быстрый способ восстановления здоровья и молодости состоит в придании вихрям их нормальных энергетических характеристик. Ты все это будешь видеть.

Дед плотно взял мальчишку в оборот, учил по старинке, так, как в свое время учили и его. Стал развивать у пацана навыки действий обеими руками с одинаковой эффективностью с любым предметом, который можно использовать в качестве оружия. Нож стал для того такой же обычной вещью, как игрушка для ребенка. Сережка по несколько часов в день учился метать его за лезвие, за рукоятку. Сначала на расстояние до трех метров из любого положения. Потом это расстояние стало увеличиваться, да и он стал чувствовать себя намного уверенней при работе с ним. Дед одобритительно кричал, глядя на успехи подопечного, и только успевал грузить новыми навыками и знаниями. Старые кости скрипели, но рукопашный бой дед Матвей «ставил» парню железной рукой, и качал, качал молодому родичу все группы мышц без скидок на возраст, выращая из него не «рабочего битюга», а эластичного, словно ртуть,

элитного бойца. Удары ногами и руками, болевые и удушающие приемы, броски и подкаты, ведение схватки в любом положении, хоть стоя, хоть лежа. Серега «мочалил» макеты и мешки, сам же их чинил, и снова уродовал. Старый уставал на занятиях ничуть не меньше ученика, сказывался возраст. Иногда бывало после часа усиленных тренировок в спарринге с малолеткой, кряхтя, садился на колоду у окна просто отдышаться, передохнуть.

– Я тебе показал заморочку, ты уж Сергунька сам, а я отсюда погляжу, – говорил он.

Наступила осень, не в пример Оренбургским степям теплая и сухая, за ней пришла зима, стылая, малоснежная, а там и весна подошла к маю. Сергей втянулся, самую малость заматерел, как может заматереть тринадцатилетний юнец. На занятиях с дедом выкладывался Пополной, без скидок на день недели и погоду. Организм его, постепенно научился принимать информацию, как из внешней среды, так и из внутренней, а уж обработку информации вела нервная система через рецепторы, сигнал от которых поступал в мозг по нервным волокнам.

– Все волокна спинного мозга перекрещиваются в районе груди, – объяснял старый учитель. – Место перекрещивания, издревле называют – путевым камнем, и поэтому правая половина головного мозга контролирует левую половину тела и наоборот, также разворачиваются в районе груди и энергетические каналы человека. Каждый человек воспринимает почти всю информацию, но осознает и пользуется лишь очень малым её объемом, доступным его органам чувств. Остальная информация теряется в глубинах подсознания или может восприниматься как интуиция – чуйка.

На летних каникулах Серега уже помогал Матвею Кондратьичу с болезными.

– Учись целить, сынок. Знающие люди зовут нас потомками Перуновых хортов, иные Белыми Волками, посему потребно соответствовать сему сованию, а это значит и ты должен уметь не только убивать, как любой из волков. Умеешь убивать – умей и лечить. Помни об этом. Придет время Родину защищать – все в дело пригодится.

В середине лета дед призадумавшись, изрек фразу, которая откликнулась в сердце юноши радостным клекотом, а ворон, сидевший на крепком плече старого казака, громко выразил и свое мнение:

– Ка-а-аг!

– Видно придется коня покупать. Какой же ты к ляху казак, ежели на лошади ездить не можешь.

Так в хозяйстве появился Белаш, молодой кабардинец трехлетка. Дед не рассказывал, какими правдами и неправдами он его купил, и сколько денег за него отвалил. А Серега теперь каждое утро уходил обкашивать лужки и делать стога в те места, с которых совхоз и колхозы не желали заниматься заготовкой сена.

– Дед, а почему ты мне запрещаешь ездить в дальнюю балку?

– Как она называется?

– Ну, люди Чертовой кличут. А что?

– У нас, как Меченый с телевизора кажется, так почитай, развитой социализм. А люди туды не ходють. Задумался? Вот-вот, дураков нема. Конечно, казак черта бояться не должен, слишком много чести, но тебе пока рано. Запрет я на энто накладываю. Уяснил?

– Ясно.

И снова в школу, и снова учеба. Учился Сергей легко. Пришло время, и в комсомол вступил. В стране правда творилось черт знает что. То в одном месте «загорится» – «потушат», то в другом. Народ роптать стал. В державе демократия. Партию отодвинули, а там и мелкий бизнес голову высунул. Страна разваливалась на глазах, кругом все рушилось. Для семнадцатилетнего Сергея островком стабильности остался дедов хутор. А и то сказать, парень вымахал ростом с деда, такой же богатырь. Крепкий да ладный. Русые усишки пробились из-под носа. Девки млели, глядячи на парубка. Вот только он спокойно к ним относился. Не видел той единственной, намоленной матерью для сына еще при жизни. Помнил заповедь старого ведуна:

«Жинка – это святое, но влюбляться не моги, потеряешь энергию, а вместе с нею и голову».

Вместе с тем, развитие Сергея, как бойца, наложило на него налет характерного лоска. Матвей постоянно вдальблывал в его голову мысль о том, что он должен стать лучшим бойцом в когорте профессионалов. Два раза в неделю, они шли в дальнюю балку, находившуюся по соседству с Чертовой. У Матвея Кондратьевича там был припрятан широкий ассортимент стрелкового оружия. За годы жизни на хуторе Серега освоил премудрость обращения и с ним.

Пришло время, и Матвей Кондратьевич провел обряд ритуального посвящения положенный по всем канонам и неписаным законам воину-характернику. Юношу, одетого во все чистое, Матвей вывел в одну из соседних с хутором балок. Легко и бесшумно скользили два казака между поросшими кустарником деревьями, поднялись на горушку, где наособицу рос старый дуб. Нельзя было в одиночку обхватить крону массивного дерева, к ней можно лишь прижаться щекой, ощутить шероховатость коры на стволе. Густые ветви на десяток метров бросали тень листвы, спелые желуди, опав, рясно замостили пожухлую траву над его корнями.

– Лягай, внучек, навзничь, обними руками родную землю и молчи, не кажи ни слова. А я, от тут присяду.

Матвей спиной привалился к коре исполина.

– Такие места как это, у нас на Дону прозываются урочищем, священным родовым местом. Это конечно не урочище нашего рода, но место святое, намоленное пращурами казаков ныне живущих в станице. Глупак не ходюť сюда, а зря. Ну, да ладно, це место нас с тобой приняло. Закрой глаза и прокачай Здраву.

Лежавший ничком Сергей, уже без всякого напряжения запустил энергетические процессы в своем теле. Он будто слился с землей, на которой лежал, слился с корнями старого дерева, а от них, словно соками по стволу и ветвям пролился в каждую клетку исполина. Что-то изменилось вокруг. Сознание юноши птицей взметнулось вверх, поднявшись над кроной дуба и, вновь опустилось к его корням. Сергей увидел себя прижавшегося телом к земле, широко раскинувшего руки, обнимающего землю. Увидел деда, прислонившегося спиной к священному для казаков дереву, сидевшему с закрытыми глазами, поджав ноги под себя.

– Ну, что сынку, идем?

Рядом с ним, тем, который стоял неподалеку от своего тела, находился Матвей, крепкий, как всегда со смешинкой в глазах, в своей неизменной папахе на голове, в одежде казачьего образца.

– Это что, иллюзия, дед?

– Нет, Сергунька. Это лядь. Лядь, внучек – пограничье, пустошь, где человек может повидаться со своей смертью, но нам треба пройти ее быстро. Наша с тобой дорога ведет в Навь. Идем же!

Сергей сделал шаг и все изменилось. Изменилась окружавшая его природа, больше похожая теперь на лесные просторы средней полосы. Не было над головой солнца, а свет был чуть приглушен легкой сероватой пеленой. Дед положил руку ему на плечо, кивнул головой в сторону голубевшего по правую руку прозрачного, словно стекло, озера. Оба, молча, направились к нему по едва видневшейся тропе, а у самой воды заметили огонь костра и силуэты людей. Обернувшись на звук шагов, люди, сидевшие у костра, поднялись на ноги, стоя встретили пришедших.

– Тю-ю! Матвей, давненько не бачились. Кого это ты айною привел до нас?

– Не виделись давно, а привел я к вам вашего бочного родича. Кровь от крови вашей, плоть от плоти. Потомок ваш перед очами, пращуры.

– Ты дывы! Знать, казаккому роду нема переводу. От добре!

Перед Сергеем предстала пестрая компания мужчин, вот только одеты они были все по-разному. На ком-то, как влитая сидела кольчужная рубашка, а порты заправлены в высокие

сапоги тонкой кожи, на лице не было бороды и лишь усы длинными полосками свисали ниже подбородка. Кто-то носил канареечного цвета длинный кафтан, опоясанный куском красной материи, из-под которого на широкие шаровары свисала на ремешках «шаблюда» в инкрустированных серебром ножнах. Казачий оселедец вился за ухо с серьгой.

Сергей рассмотрел всех семерых своих щуров, делая вывод, что представлены они разными эпохами. На плечах одного из них, даже были погоны соответствующие дореволюционной казачьей форме.

– Что, Матвей урок свой к завершению ведешь?

– То, да! Зажился.

– Так ты не торопись. Не пришло твое время, – улыбнулся обоим пришлым прашур похожий на казака сечевика, показав в улыбке ряд крупных, белых, словно жемчужины зубов. – А поворотись-ка, сынку! Подывымось на тебя.

Сергей не понял, и тогда Матвей сам крутнул внука кругом.

– Добрый казак растет. Не пропала втуне наша кровь.

Одобрительно высказался еще один из предков.

– Характерник! – добавил другой. – Волчью породу не спрячешь.

– Для рода!

– Для державы!

– Учи его краше, Матвей. Ему на роду много испытаний пройти написано. А именем тебя нарекаем – Неждан. Так, панове?

– Любо! Хай будет так. Уж и не ждали, что хтось из роду к костровищу выйдет. Спасибо тебе Матвей. А теперь прощайте!

На мгновение все померкло в глазах, потом вдруг засветилось. После такого проблеска, краски настоящего были ярки и приятны. Раздался голос Матвея Кондратьевича.

– Теперь можешь встать, сынку. На сей день, закончен наш урок пребывания в Нави.

– Дед, – поднимаясь на ноги, спросил Сергей. – А эти, наши прашуры, зачем мне новое имя дали?

– Цыть! Запомни, это имя можешь знать только ты, ну и я, как твой учитель. Больше никто. Под этим именем, ты к Богу можешь напрямую обращаться. Понял?

– Да.

– Ну и добре. Теперь вон на том месте разводи костер, потребен он нам будет.

Только через двое суток внук с дедом вернулись домой, где по двору, оглашая округу радостным лаем, по случаю явления хозяев, бегала проголодавшаяся Блохастая.

За эти двое суток, чего только не приключилось с Сергеем. Был переход через огненную реку, довольно широкую и раскаленную до состояния кузнечного горна. Было хождение по лесу с завязанными глазами, выполнялись и другие сложные задачи старого ведуна. Было многое, не было только усталости в теле юного характерника.

За накрытым празднично столом, в просторных хоромах куреня, Матвей впервые налил стопку водки Сергею. Сам поднялся со стула, глыбой нависнув над столом, произнес:

– Спасибо тебе Господи за то, что род наш живет и не прерывается! Спасибо за страву на этом столе! И царство небесное всем павшим в боях казакам!

Размашисто перекрестившись, дед неторопливо выщедил стограммовую стопку казенки. Парень, на какое-то время, задержавшись, и сам сделал большой глоток, ощутил гнусный запах и вкус прозрачной жидкости. Не пошло. Закашлявшись, отставил стопарь в сторону...

Как-то на рассвете дед поднял внука с постели.

– Одевайся, выходим.

Вышли со двора, дед достал из-за пояса вороненый маузер, Сергей впервые видел этот пистолет в его руках.

– Чему-то же я тебя научил? Иди, отходи метров на сто, стрелять в тебя буду. Боишься?

– Нет. Разучился бояться, да и наука твоя не подведет. Верю я в Бога, деда.

– Это добре, сынку. Иди, ставай.

Встав напротив, Сергей отрешился от действительности, слова, впитанные за годы учебы, слетали с губ, а энергия Здровы забурлила по его жилам вместе с ними.

«Облачусь пеленой Христа, кожа моя – панцирь железный, кровь – руда крепкая, кость – меч булатный. Быстрее стрелы, зорче сокола. Броня на меня. Господь во мне. Аминь!»

Юноша почувствовал, что тело обволоклось невидимой броней, только затылок захолодел, подтверждая и предупреждая об опасности. Через пелену слышались двойки выстрелов, и в грудь, будто заколотили брошенной кем-то галькой. От ударов невидимых камней воздух из легких принудительно выбивался наружу, заставляя парня сглатывать обильно выступившую слюну.

– Ну, все! Добре!

Услышал Сергей голос деда.

– Казак передо мной, бачу. Да не простой казак, настоящий характерник. Теперь перейдем на новый виток жизни, тем более что дитячие комплексы, как то, «Кулак Перуна», «Бузу» и «Скобарь» ты уже усвоил. Будешь теперь учиться создавать иллюзии, да пользоваться колдовским огнем.

Глава 4. На крыле

Школьный выпускной совпал с беспределом в державе, страну рвали на части. Из-под крыла империи в свободное плавание республики уходили пачками. Простой народ не мог понять такой политики. В России к власти пришел Ельцин, залихватский буреветник «новой революции», себялюбец, сибарит и пока еще тайный алкоголик. Москва и Ленинград наводнились пеной непонятных, доселе неизвестных личностей, аферистами всех мастей и американскими советниками. Силловые структуры, новый президент со своей камарильей, лихо смахнул с игровой доски новой политики, словно наотмашь шашкой провел по незащищенной шее подвернувшегося организма. Беспредел творился и в самих губерниях, неизвестно откуда появились «жучки» точившие экономику Российской глубинки, площади в городах превратились в развалы торговых рядов, продавалось все от презервативов, до станкового пулемета. Заработную плату на предприятиях не платили месяцами. Дикая инфляция захлестнула страну. На этой волне набирали силу криминальные группировки, в населенных пунктах и днем и ночью звучали выстрелы и взрывы. Рейтинг профессий банкиров, бандитов и проститутток в сотни раз поднялся выше инженеров, врачей, и даже космонавтов. Данью были обложены все мало-мальски остававшиеся на плаву предприятия.

В один из ясных дней, к хутору деда Матвея подъехала кавалькада из трех легковых машин, серебристой «БМВ», явно вывезенной из восточной Германии, и двух вишневых «девяток», естественно отечественного производства. Из их чрева вылезли накачанные молодые парни, в спортивных костюмах и кожаных куртках самопального пошива. В народе столь одиозных молодых людей уже привыкли величать «братками», а если их собиралось до десятка особей, то «бригадой». Размявшись после дороги, встали у ворот. Самый нетерпеливый, несмотря на лай собаки за забором, принялся молотить по калитке ногой, обутой в кроссовку. Сергей не дожидаясь деда подошел к воротам, откинул запор и во двор без приглашения вперлись парни с наглыми выражениями лиц, привычные к тому, что всюду дорога для них открыта.

– Слышь, мелкий, собаку-то приструни, а то ведь мы и застрелим. Нам для этого дела патрона не жалко, – играя желваками на лице, пригрозил один из братков.

Появившийся из куреня дед, молчаливым жестом дал понять Сергею, чтоб тот убрал Блохастую. Увидав хозяина, откормленный детина, не поздоровавшись, сразу взял быка за рога, «наехал» на старого казака:

– Это ты что ли, колдун местный?

– Да какой же я колдун, сынок? Так, пользую людей болящих помаленьку. Вот заболеешь, и ты ко мне придешь, ежели сможешь.

– Ты мне старый зубы не заговаривай. Ты что, доктор, людей лечить? А коли не доктор, а лечишь, значит, колдун или знахарь. Деньги с народа трудового берешь? Доход имеешь? Делиться треба. Нам будешь платить, а мы твоей «крышей» озаботимся, чтоб ты тут жил спокойно. Понял, баранья голова?

В последнем вопросе главаря, высмеивалась папаха старого казака. На подворье раздался дикий смех подельников.

От таких слов в адрес деда Сергея затрясло. Губы сами, на чистом автомате принялись нашептывать один из наговоров, который, как посчитала голова, приходился к месту инцидента на подворье. Из боевого транса юношу вывело отчетливое карканье ворона, сидевшего на жерди у собачьей конуры. Сергей скосил взгляд на дедову птицу, затем на самого деда. Тот с неизменной смешинкой в глазах, слегка качнул головой.

«Не вмешивайся. Все под контролем», – выражал его взгляд.

– Понял. Как не понять, якщо таки бурлачаки, та ишо таким числом до твоого куреня заглядають.

– Во! Умнеешь на глазах. Платить будешь уже сейчас. Знаю, что захована у тебя заначка, вот и неси ее сюда. А парняга твой с нами пока постоит, воздухом подышит.

– Зараз принесу, вы только внука мово не забижайте. Знаю вас, гарадянцев, дюже гулявые вы там у себя.

– Не бойся, дед. Деньги неси.

В отсутствии деда, Сергей задержал взгляд на старшем из приехавших бандитов. Крепкий парень, словно грубо сколоченный шкаф. Накачанные мышцы бугрились по всему телу. Не то борец-вольник, не то штангист, стоял особняком от остальных. Золотая, в палец толщиной цепь, поблескивала на бычьей шее. Взгляд молодого казака уперся в переносицу братка, как раз в то место, где индийцы рисуют третий глаз. Энергия осознания постепенно переходила в энергию души и Сережка сначала слабо, потом все сильнее и отчетливее услышал мыслеформу в голове накачанного стероидами гоблина. Запрет деда на копание в голове врага не распространялся, только вот ковыряться в гнилых мозгах было не интересно. Все, что накопал Сергей, сводилось лишь к убогим мыслям. Предел мечтаний бригадира сводился к деньгам, сладкому сну, да вкусной жратве. Если бы перед Сергеем стоял не столь примитивный организм, может быть, он и не узнал бы о чаяниях бригадира, уж слишком мало опыта в таком деле у парня, но того мог разгадать и простой физиономист.

Молодой характерник вынырнул из потока мыслей двуногого животного, тупого как сибирский валенок. На пороге появился Матвей Кондратьевич, неся в руках деревянный короб величиной с упаковку от кассетного магнитофона «Весна». Протянул главарю городской шайки шакалов.

– Забирай. Здесь все, что люди принесли. Забирай гроши, хай с ними вам станет не скучно ночью ночевать, а днем дневать. Так по слову моему и бывать. Аминь!

– Хм! Что-то мудрёно речи ведешь. Отдал, не трогают, так и радуйся, дед. А ты свой язык распускаешь.

Матвей, согнув руки в локтях, сплел их на груди калачом, стоял, разглядывая, как толстые, как сосиски пальцы, ковыряются в банковских купюрах различного достоинства.

Наконец, главарь приехавшей банды самодовольно осклабился.

– Вица, давай кейс, – обернувшись к подельникам, распорядился он.

Уже за воротами, у открытой двери «БМВ» озирился на провожавших хуторян.

– Запомни сегодняшнее число, дед. В следующем месяце, этим же числом от меня пацанчик приедет, вот ему налог и отдашь. Да-а, и чтоб денег не меньше, чем сегодня было.

– С нетерпением буду ждать! – улыбаясь широкой улыбкой, откликнулся старик, в веселом кураже сдвинув папаху на затылок.

– Дед, я что-то не понял, мы же их могли в бараний рог скрутить, а ты деньги отдал. Зачем?

– Скоро узнаешь. Седлай-ка ты Белаша, да скачи, развейся малость. Застоялся коник.

Все разрешилось на следующий день. Всё те же три машины, с теми же самыми братками подрулил на стоянку перед воротами хутора.

– Хозяин, открой дверь!

– Открывай!

– Христом Богом прошу, открывай!

Разносились по округе голоса городских придурков.

– Чего надоть?

Голос деда, басовитый и строгий, послышался с подворья. Ему вторил лай собаки, спущенной с цепи и в экстазе раздолья бросавшейся на верхотуру забора. В иные моменты прыжки Блохастой были столь удачны, что голова ее мелькала над срезом ограждения, а острые

зубы шелкали так выразительно, что молодые люди попятились к машинам. Седой ворон в свою очередь, выражая чувства, носился у самых голов незваных гостей. По округе, помимо голосов, лая, карканья и шарканья ног, распространилось зловонное амбре, разносимое легким ветерком во все стороны.

– Дед,пусти! Я деньги обратно привез. Отдать хочу, больше к тебе не приедем. Толькопусти.

– Ничего не ведаю! Не надоть мне ваших денег. Уезжайте, откуда приехали.

– Да твои это деньги. Прости, бес попутал. Забери, Христом Богом молю.

– Не помню ничего.

– Прости-и-и! – на одной ноте завывли за воротами.

Бандиты принесли все до копейки. Ползая на коленях по двору за дедом, воняя на всю округу, как тысяча американских скунсов, и при всем при этом испражняясь в свои же штаны, размазывая сопли и слезы по лицу, умолили-таки старика снять заклятие.

– Лады, – согласился он. – Но условие будет такое. Завтра же приедете в станицу и привезете денег в пять раз больше, чем у меня отнимали. Передадите их отцу Александру на починку церкви. Скажете, что от энтих... Серега, как там бишь нонича меценатов кличут?

– Спонсоры.

– Во-во! От спонсоров. Уговор?

– Все исполним. Ничего не пожалеем.

– И хутор мой десятой дорогой обходите. Кого увижу, легко как сегодня не отделаюсь.

После того, как ущербные покинули территорию, Сергей вопросительно поглядел на деда.

– Ну и зачем это все?

– А это внучек, тебе ишо один урок. Знай, что людей можно не только навечно приструнить, но и научить чему-то.

Добросовестно сдав выпускные экзамены и получив аттестат зрелости с двумя четверками, остальное все на «отлично», младший Хильченков не бросился сломя голову на штурм заведений высшего образования. Давно эту тему обсуждали с дедом. Осенью в армию, а после первого года службы поступит в военное училище. Так чего огород городить, тем более на южных территориях России было неспокойно.

Лето Сергей проводил не слишком напрягаясь. Помогал деду с болящими, заготавливал корм Белашу и учился, учился, учился. Учился профессии характерника, от простой рукопашной и сабельного боя в паре с еще крепким Матвеем Кондратьевичем, до показательного боя, мимикрируя в «тень», или преподнося своему экзаменатору его же точную копию «иллюзии».

«Запомни внучек, наука в это беспокойное время далеко вперед ушла. Понапридумывали разного барахла, способного распознать кого хошь. Человеческий глаз, человеческий мозг, ты всегда иллюзией замылить сможешь. Бойся технических средств, камер, тепловизоров. Не смотри на меня так! Думаешь, старик из ума выжил? Ан, нет. Хошь и старый, а казак-характерник перед тобой, недоучкой. Давно на этом свете зажился, опыта много и за новыми армейскими поделками пригляд веду. Нам без этого никак! Так что думай, как бы впросак не попасть».

Тридцатого сентября тысяча девятьсот девяносто четвертого года армейская авиация начала обстрелы территории Чеченской республики. Это была война. На кубанской земле мирные люди ее еще не ощущали, а вот Ставрополье хлебнуло лиха. На коллективные хозяйства хлеборобов насакивали «непримиримые» чеченцы. Уводили скотину, грабили хутора, убивали, захватывали в рабство людей. Жители юга в полной мере вспомнили, что они казаки, живущие у границы. Организовались в сотни, вместе с милицией выставляли пограничные наряды, оборонялись.

Сергею пришла повестка из военкомата, и он, пройдя медицинскую комиссию, готовился влиться в стройные ряды Российской Армии. Вскоре, по той же железной дороге, по которой шесть лет назад он приехал на Кубань, Сергея увозил поезд в обратном направлении. Команда, следовавшая к месту службы, была направлена в учебное подразделение мотострелковой части, дислоцировавшейся в Белгородской области. С каждой сотней километров он ощущал, как за окном вагона меняется пейзаж. Сунув руку во внутренний карман куртки, вытащил небольшой сверток из пластика, развернув его, поднес к лицу, носом вдохнул терпкий горьковатый запах степной полыни, запах родины.

Учебка, это не совсем боевая часть, это своеобразная школа первоклашек для великовозрастных детишек у которых в яйцах пицат дети. Молодые ребята попадают в нее со всех концов страны. Их пропускают через фильтр курса молодого бойца, где денно и ночью сержанты, призванные действовать в отношении «молодых», строго по уставу, всячески гнобят, издеваются и, выражаясь общим сленгом всех заведений подобного типа – чмарят. Извращенные нравы, царящие в учебках, попустительское прaporation и офицеров, доведенных политиками и верховным командованием до ручки по всем жизненным показателям, довели не один молодой организм до самоубийства. Имели место и завуалированные убийства, но бравурные бумаги шли «вверх» непрерывным потоком. Кормёжка напоминала паёк красноармейца первой половины Великой Отечественной, такой же скудный и невыносимо несъедобный.

Рота капитана Дурасова приняла пополнение с сатанинской улыбкой:

«Молодое мясо привезли!».

Усталых с дороги обрили, помыли и переодели. А вот после отбоя, когда кадровый командный состав убыл из подразделения, молодых выстроили внутри казармы «на взлётке», объяснили, кто они есть на самом деле. Долго тренировали, первый раз в своей жизни одевших форму солдат первого периода обучения, подъему и отбою. И это продолжалось до трех часов ночи. Сергей без напряжения и усталости вместе с остальными выполнял все издевательства, попутно прокачивая ситуацию, выясняя, что собой представляет каждый сержант. Быстро уяснив, что все лица низового командного состава – моральные уроды, рожденные таковыми, или сломавшиеся в этом же заведении, и ставшие как все.

«Да-а! Тяжело придется парням», – сделал вывод Сережка, в очередной раз, падая в койку и укрываясь одеялом.

Наконец прозвучала команда:

– Встать! Заправить обмундирование!

Скорее всего, сами командиры отделений и замки, устали развлекаться.

– Отбой!

Жизнь для молодого казака покатила по прямой, не причиняя неудобств физической зарядкой, нарядами по роте и столовой. Не было усталости и от массовых издевательств. Даже мордобой обходил его стороной, хоть он и видел, что иногда случалось с товарищами. Но всегда так не бывает.

– Эй ты, салага! – послышался знакомый голос из-под навеса курилки, когда Сергей посыльным от командира роты бежал в штаб с поручением.

– Бегом сюда.

Развернувшись, Сергей подошел к курилке. Сержант Костилов и ефрейтор Нигматуллин уставились на него недобрыми взглядами.

– Я сказал бегом, а ты сука, ходишь в развалку. Яйца натер? Тебе не ясно когда старший приказывает?

– Ясно, товарищ сержант.

– Быстро метнулся и принес пачку сигарет с фильтром. Жду десять минут. Не уложишься, пожалеешь, что на свет родился. Бегом!

Развернувшись, Сергей побежал в сторону штаба, он даже не думал искать этим козлам сигареты. Прошел ужин, личное время, вечерняя поверка. После команды «К отбою разоидись», Сережка умывшись, прыгнул под одеяло. На удивление, сержанты сегодня не страдали охотой поиграть в прыгалки с кроватей.

Молодой Хильченков вошел в состоянии медитации, нырнул в энергетические потоки всего здания казармы, нашел слепок энергии Костикова и Нигматуллина в помещении каптерки, а с ними вместе и еще пятерых «отцов-командиров». Вокруг их голов закручивались вихри негативной энергетики, создавая сплошную черноту. Вынырнув из состояния Хара, парень спокойно оделся, намотав портянки, обул сапоги. Из спального расположения Сергей вышел полностью одетым по четвертой форме одежды. Мимо сонного дневального, по холлу проследовал в туалетную комнату, встал у окна. За дверью туалета непрерывно журчала вода в чашах Генуя. Он слышал, как с тумбочки сошел Петрищев, солдат его же призыва, и его шаги, из-за тяжелых сапог, глухо прошаркали мимо ротной канцелярии к двери каптерки. Легкий стук по дереву, и голос.

–Товарищ старший сержант!

Снова негромкое постукивание в дверь. Даже обычный человек мог услышать в большом помещении, с хорошей по случаю ночной поры акустикой, звук отпираания замка, клекот ключа по зажимам вставки.

–Чего тебе, кот помойный?

Испуганный шепот дневального вполнину заглушал шум воды из туалетной комнаты. Сергей даже не стал напрягаться, прислушиваться, о чем говорит Петрищев, стоял и смотрел в освещенное лунным светом окно, выходившее на широкий плац.

–Хорошо. Где второй дневальный? – послышался голос старшего сержанта Амбарцумяна.

–Мусор выносит.

–Вот и ты ступай. Глянешь, может ему помочь чем надо. И не торопись. На вот тебе сигарету, в курилке у входа в казарму покуришь.

–Спасибо, но я не курю.

–Вот и научись. Пошел на ... отсюда.

В сторону выхода из расположения роты в темпе бега прошаркали сапоги дневального, а вместе с этим, послышался по паркету шелест приближения десятков ног, явно обутых в спортивную обувь и тапочки.

«Помолюся Господу Богу, всемогущему, пресвятой пречистой Деве Марии и Троице святой единой и всем святым тайнам. Будьте казаку Неждану до помощи! В худой час призрачный лунный лик светит с небосвода. Выйду я в поле, сдерну лунное полотно, да наброшу на себя. Напущу иллюзию, стану казаться тем, кого нет рядом. Пусть сия иллюзия растает в свой час так быстро, как вспыхивает заря под утренним майским солнцем. Аминь!».

Батагой ввалившись в «умывальник», сержантский состав, снедаемый желанием развлечься, покуражиться над слабым, получить удовольствие от того, что кому-то сейчас принесут боль и страдания, нарвались на стоявшего у окна прапорщика Хиврина, старшину роты. Тот уставился немигающим взглядом на полураздетых отцов-командиров, призванных в ночное время поддерживать порядок в среде личного состава.

–Здрав желаю тащ прапорщик, – поморщился Костиков.

–Да и вам всем не хворать. Чего это вы ночью в сортир приперли? Всем сразу приспичило?

Хищная улыбка скользнула по лицу Амбарцумяна. Прапор всего на десять лет старше него, а он в ноябре уже демобилизуется и вольной птицей улетит в Ростов-на-Дону, так что заигрывать, стоя перед куском, он считал уже ниже своего достоинства.

– Слышь, старшина, шел бы ты домой. Ночь на дворе. Нам тут с мальцом потренировать охоту, уму разуму поучить, а ты мешаешь. Не лезь не в свое дело, я же молчу, как ты сухпай налево пустил, а денежки все себе заныкал. Ротный ни слухом не духом. Ха-ха.

– Ну, тренкайте, он в туалетной комнате.

Прапорщик от окна двинулся на выход из «умывальника», мимо посторонившихся сержантов.

– Айда! – подал голос еще один представитель армянского народа, Вачиган Айрапетов.

Как только толпа выроdkов втянулась в помещение туалета, очутившись у десятка закрытых дверей кабинок, освещение мигнув, погасло, погружая в кромешную темноту узкий проход.

– Что за черт? Кто там балует? – крикнул из темноты Амбарцумян. – Прапор, свет включи!

Голос Костикова произнес в самое ухо старшему сержанту.

– Ну, ты, хач. Как мне тебя, гнида, всегда по стенке размазать хотелось, да все как-то недосуг.

– Чё-о-о?

– А, вот тебе получи, ... штопаный. Чтоб на дембеле помнил меня.

Чувствительный удар пришелся в левый глаз. Голова Амбарцумяна впечаталась в стенку с привинченными к ней писсуарами. Позвоночник напоролся на подведенную от потолка разводку металлической трубы.

– Су-у-ка! Так, да-а! Мочи его!

Кто-то попытался выскочить из темной комнаты в «умывальник», но жестко был отброшен обратно в свалку потасовки прапорщиком Хивриным. Дверь снова закрылась. Из темноты раздавались вопли, стоны, нецензурная брань. Люди молотили друг друга в ограниченном пространстве туалетного коридора. Скоротечная драка подошла к своей завершающей фазе, когда включился свет. Нелицеприятная картина потасовки открывала взору кровящую на кафельном полу, людей, лежавших, словно поломанные куклы, и стонавших от боли. Разбитые двери кабинок, расколотые писсуары, валявшиеся между телами, намекали на завтрашний авральный день в подразделении. Сержанты словно попали под каток, не могли оклематься сразу. На ногах остался только младший сержант Балыка, бугай килограммов под сто двадцать весом, косая сажень в плечах. Нарисовавшийся вдруг из-за двери прапор, метнувшись к умывальникам, сорвал с направляющих фаянсовую раковину и сходу опустил ее на чугунную башку Балыки. Секунду, постояв на ногах, тот опрокинулся навзничь, потерял сознание.

– Ну, как-то так, – самодовольно потерев руки прапорщик вышел из комнаты общего пользования.

А уже в фойе солдатской казармы вместо Хиврина, из комнаты для умывания материализовался рядовой Хильченков. Направился в сторону спального расположения. Тихо вошел в помещение для сна, аккуратно прикрыв за собой дверную створу. Очутившись у своей кровати, сноровисто разделся, уложил форму на табурет, юркнул под одеяло.

– Спа-ать! – удовлетворено скомандовал сам себе.

Утро как всегда встретило молодые организмы каркающей черным вороном, командой: «Рота, подъем!»

Только в это утро в расположении роты наблюдался разброд и шатание. Оказалось, что ночью передралось между собой все начальство младшего звена, да так передралось, что десятерых из шестнадцати человек сержантского состава увезли в госпиталь с переломами и сотрясением мозга. А к одиннадцати часам утра, комендатурский «воронок» забрал старшину роты, прапорщика Хиврина. Не устраивая сразу «разбора полетов», комдив распорядился убрать оставшихся сержантов в боевые подразделения и укомплектовать учебную роту сержантами из полков. Процесс учебы резко переменил направление с постоянной шагистики и различного

рода уборки, в сторону освоения оружия и боевой техники. Новый командир роты старший лейтенант Самойлов, делал упор на физическую подготовку личного состава. Скакнув на майорскую должность с должности командира взвода разведки, он в душе так и остался разведчиком.

Вот и выходило, много ли было надо, чтобы изношенная машина вновь заработала в положенном режиме? Всего лишь поменять механизм.

К первому снегу, офицеры дивизии в срочном порядке направлялись в командировки в сторону южных рубежей Родины. Такая срочность вызвала интерес у солдат срочной службы. Ну уехали, войны-то ведь нет!

Сергей мыслил нестандартно, понимал, дело идет к вооруженному конфликту, но свои мысли держал при себе. Среди однокашников, по всем дисциплинам был лучшим, однако друзей заводить не торопился. Раз в две недели пописывал письма деду, чтоб не выделяться в этом плане из общей массы срочников, хотя знал наверняка, что дома все в порядке.

В середине декабря «молодых» разбросали по полкам дивизии, и служба приобрела иной ритм жизни. Естественно, мимо Сергея прошли ноябрьские события в Чечне. Двадцать шестого ноября состоялась неудачная попытка захвата Грозного силами антидудаевской оппозиции. После ее разгрома, в плен попало много русских солдат и офицеров, которые были завербованы Федеральной службой контрразведки России для участия в боевых действиях. Российские спецслужбы хотели, чтобы захват Чечни выглядел как внутричеченское противостояние, а не внешний захват. Несмотря на информационный галдёж массмедиа за рубежом и внутри страны, тридцатого ноября Ельцин подписал указ о необходимости проведения военной операции в Чеченской республике.

Глава 5. Война

Война, это всегда грязное дело. Когда в окопах, в грязи и в холоде прозябает обычный Ванька-взводный, в верхах пачкаются грязными деньгами продажные чиновники и банкиры, политики всех мастей, желающие погреть руки на солдатской крови. Планом проведения операции предполагалось, к девятнадцатому декабря взять под контроль всю территорию Чечни, а штурм чеченской столицы осуществить в новогоднюю ночь тридцать первого декабря. Дудаевскому режиму удалось создать свои вооруженные силы, численностью до тридцати тысяч человек, прошедших Афганистан, Абхазию, Нагорный Карабах и Приднестровье. Отряды самообороны существовали во всех населенных пунктах. Оружия в независимой республике на тот период скопилось столько, что можно с лихвой вооружить сильную армейскую группировку.

В штабе Дудаева этапы операции по захвату независимой Ичкерии были известны детально, была так же известна задача Федеральной службы контрразведки России по выявлению и изоляции лидеров оппозиционеров, способных возглавить партизанскую и диверсионную борьбу в тылу действующих войск.

Как результат всего этого, российские войска понесли большие потери в ходе операции. После взятия Грозного и «кавалерийского» наскока на другие населенные пункты, война перешла в состояние позиционной обороны. После падения Аргуна, Гудермеса и Шали, Чечню поделили на отдельные зоны, а линия фронта представляла собой совокупность не соприкасающихся друг с другом очагов сопротивления, расположенных в населенных пунктах. Несмотря на определенные успехи российских военных в равнинной части Чечни, в горах велись бои с чрезвычайным ожесточением, солдаты гибли в большом количестве.

На юге бушевала война, гибли люди, попадали в плен, техника горела как спичечные коробки, женщины становились вдовами, а дети сиротами. Сергей терпеливо нес службу в мотострелковом полку, в роте разведки, в которую попал после учебки. Он ждал своего часа. Прошли три месяца весны. Июнь месяц «ознаменовался» событием атаки Басаева на Буденновск. Сергей скрипел зубами, но внешне продолжал оставаться обычным солдатом срочной службы.

Любят отцы-командиры нетривиальные решения. В ночь с двадцать первого на двадцать второе июня, полк подняли по тревоге. Солдаты и офицеры, получив оружие и боеприпасы, прибыли в автопарк. Технику выстроили в линии походных колонн, ждали прибытия с постановки задач командиров батальонов.

– Как думаешь, – спросил у Сергея Артем Завгородний, молодой парнишка, только что прибывший из учебки в боевое подразделение, земляк Хильченкова. – Нас туда пошлют, или это просто очередная проверка?

Молодой солдат имел ввиду Чечню. Сергей уже прокачал ситуацию, состояние Хара дало информацию к размышлению. Он понял, о чем говорит Артем.

– Скорее всего, пошлют.

БТРы и БМПшки загоняли на платформы, брали в колодки, и обожженной проволокой, жгутами крепили к специальным крючьям. Подразделения доукомплектовывали боеприпасами до полной нормы. У платформ собралось много женщин и детей. Семьи провожали отцов и мужей на войну. Сергей кожей чувствовал беспокойство и безысходность, витающие в пространстве прямо над скоплением людей.

– По ваго-онам!

Разнеслась команда по перрону. И забегали, заплакали женщины, пытаясь в последней попытке удержать родных людей, вцепившись в одежду мужей. Не судьба. Доля воинская такая, что если и чувствуешь, что не воротиться к родному очагу, все едино пойдешь в пекло войны. Длинная кишка поезда с платформами военной техники, потянулась по перегонам. Из откры-

тых дверей теплушек, окон плацкартных вагонов, виднелись мелькавшие полустанки, вокзальчики маленьких населенных пунктов, железнодорожные переезды со шлагбаумами и без оных, хуторки, курганы и бескрайние степи с латками полей. Картина хоть и живописная, но на людей, знавших, что едут не в отпуск, навевала грусть. Кто вернется к родному очагу и вернется ли целым и здоровым? Тот еще вопрос!

Высидевшись, полк своим ходом пересек равнинную часть непокорной республики. На каждом километре следования отмечались следы недавних боев. Срочники глазами поедали сгоревшую и сдвинутую к обочинам технику, развалины домов и проломы в заборах. На перекрестках часто попадались обложенные мешками с песком и обнесенные окопами и колючей проволокой временки блокпостов. Стоявшие на них солдаты в грязной «хебешке», в бронежилетах и касках, безликие и серые, безразличными взглядами провожали проезжавших на броне мотострелков.

– Смотри, глядят как на оловянных солдатиков, – классифицировал отношение к ним Артем.

– Нормально. Просто устали ребята, каждый день одно и то же. Помолчи, а-а? – попросил сослуживца.

Равнина вот-вот закончится, чувствовалась близость предгорья и реки текли по-другому, и ландшафт менялся на глазах. Не успели толком рассредоточиться лагерем в месте, отведенном полку, как из вышестоящего штаба поступила боевая задача. Бандиты окружили блокпост в горах. Низкая облачность не позволяла авиации отработать по местности, а «вертушкам» забросить десант. Ближе всех к неудачно выбранному месту располагался сейчас только прибывший полк подполковника Леснина. По данным разведки, численность бандитов составляла не больше сотни человек, а значит, на выручку ВВшникам достаточно отправить один из его батальонов.

Чувство опасности пришло с левой стороны от дороги, вон из тех зарослей, подходивших к каменистой пойме реки. Их боевой разведывательный дозор, приданный батальону майора Беркута, оторвался от основной колонны километра на три, двигался по дороге, которая справа и слева прорезала колючие заросли «зелёнки». Здрава, вынырнув из-под сознания лишь на миг накрыла его. Не надо было шептать заговор, он одним блоком информации пронесся в мозг, а с ним и защита Христова легла на плечи и грудь.

– Товарищ лейтенант, – позвал Сережка молодого летёху, только в прошлом году окончившего «бурсу». – Слева семьдесят метров кусты, заметил движение людей с оружием.

Лейтенант, сидевший чуть впереди на броне, повернув голову в указанном солдатом направлении, не заметил ничего. Откровенно говоря, Сергей тоже никого не видел, но присутствие чужих он почувствовал отчетливо. Именно оттуда исходила опасность.

– Дай автомат, – попросил Артема.

У самого Сергея штатным оружием была снайперская винтовка Драгунова. Тот, молча подал «калаш». Боевая машина на медленной скорости двигалась как раз напротив того места, где прятался враг.

– Блин, – возмутился Сергей. – У тебя что, подствольник не заряжен?

– Нет.

– Разгильдяй! Дай сюда выстрел.

Сергея с дульной части ствола вставил ВОГ в ствол до упора, в торец казенника, зафиксировал фиксатором, щелкнул флажком предохранителя.

– Ты что задумал? – успел задать вопрос лейтенант.

Направив гранатомет в нужном направлении, солдат произвел выстрел. «Костер» не подвел. Граната, улетевшая в кусты, после удара о препятствие «подпрыгнула», разорвалась в воздухе. Из самого кустарника раздались вопли и стоны.

– Огонь по кустам, – командовал Хильченков, не дождавшись этого распоряжения от лейтенанта.

С их машины, и машины следовавшей за ними, по кустам ударили выстрелы автоматов, срезая, скашивая ветви кустарника словно бритвой. Прикладом, стукнув в броню, Сергей прокричал механику-водителю:

– Ванин, стой. Товарищ лейтенант, разрешите глянуть, кого мы там поцарапали.

Еще не пришедший в себя, «необстрелянный» командир разведывательного дозора кивнул:

– Идите, Хильченков.

Семьдесят метров, отделявших машину от полосы «зеленки», Сергей преодолел за считанные секунды. Ребята отстали от него. В «зелёнке» он сразу же наткнулся на боевиков. Мертвы. А, нет, один все еще жив, он закрывал рукой развороченный осколком гранаты живот. Через пальцы ладони обильно струилась кровь, с уходом которой из тела уходила и жизнь. Оружие всех четверых, незадачливых диверсантов валялось тут же. По виду, уничтоженные враги своей молодостью и скученностью местоположения в засаде, явно соответствовали «необученному мясу». Из рта еще живого молодого парня обильно пошла кровь.

– Да, не жилец.

Скорее всего, поняв солдата правильно, чеченец закрыл глаза и отвернул голову в сторону. Черты лица исказились, судорогой свело тело, человек дернулся и затих, успев лишь сделать выдох.

– Готов! Парни, собирай оружие. Обыскивайте покойников.

Видя, как переминаются товарищи, быть может, впервые увидев смерть так близко, сам прошелся по одежде убитых, выворачивая содержимое карманов прямо на землю. Ничего существенного не нашел.

– Пошли, – командовал бойцам.

Оружие, боеприпасы и некоторые сопутствующие всему этому принадлежности и вещи, все взятое с трупов, несли на руках словно поленья. Уже направляясь к «восьмидесятке», заметил Завгороднему, вышагивающему рядом:

– А ты, сученок, еще раз забудешь зарядить подствольник, получишь по шапке. Война здесь. Еще не понял?

– Понял. Теперь понял.

Колонна подошла к месту боевого соприкосновения. Летеха бегом припустил к БМПшке комбата. Из верхнего люка по плечи высунулась голова механика-водителя.

– Серый, чего это взводный забегался?

– К комбату на доклад.

– Вот модель, а радиостанция на что?

– Ничего, ему полезно. Пока бежит, мозги на место встанут. А то он как пришибленный. Первый бой все же.

– А если сейчас из того лесочка по нам вмажут?

– Нормально все будет. Не вмажут.

Через три километра в зоне видимости появился мост. Обрывистые крутые берега с нагромождениями зеленоватых от мха валунов, разделенные горной рекой, словно специально были предназначены для засады. Полоска дорожного полотна шла на сужение. За мостом отчетливо просматривались два ржавеющих остова БРДМов, с дырами в бортах. Судя по виду, они украшали обочину еще с зимы. Если у моста засада, то противнику достаточно было закупорить голову колонны, подбив пару впереди идущих машин, да застопорить «хвост», подбив пару «броников» сзади. И все, бери военных голыми руками, цели перед тобой, бей на выбор. БТР сбавил ход. Наверняка водителю боевой машины совсем не улыбалось нарваться на неприятность, и глядя в ТНПО за закрытыми люками, он это понимал. Не было места для

маневра. Башенная спарка КПВТ и ПКТ, сдвинулась чуть в сторону, опустила жерла стволов, направив их для выстрела в определенное место.

–Товарищ лейтенант!

–Чего тебе, Хильченков?

Лейтенант еще не переборол свой гонор, но в голосе уже чувствовались нотки интереса к подчиненному.

–Разрешите совет?

–Валей.

–Вы бы по связи распорядились причесать из головного левую сторону от дороги, а из заднего «бардака» – правую. А, я, если все будет добре, к мосту пробегусь, гляну.

Летеха раздумывал не долго, прав подчиненный, не на учениях, за использование боекомплекта строго не спросят, тут экономить себе дороже. Перебросив ноги, нырнул в верхний люк, а уже через минуту заработали пулеметы обеих машин, срубая листву и ветки лесополосы, превращая их в мелкие ошметки. В ответ, из подлеска произвели выстрел из гранатомета. Болванка прожгла борт командирской машины, вихрем огня и металла ворвалась внутрь, заставила замолчать разрывавшийся лаем крупнокалиберный пулемет. Серегу вместе с Завгородним и Сенчиным, будто ветром сдуло с брони, заставило носом пропахать придорожную пыль. Языки пламени кромсали БТР, он горел, словно сделан был из березовых дров.

Вторая «восьмидесятка» дозора, по-рачьи попятилась назад, градом пуль заливала «зеленку», расходуя боеприпасы на полную мощность. Бойцы, оставив броню, вжались в землю, используя плохонькое укрытие невысокой придорожной насыпи, стреляли из АКМов в белый свет, как в копеечку, длинными очередями сжигая патроны.

Сергей, приподнявшись на руках, подметил, как в землю ткнулась чубатая голова одного из хлопцев, тело замерев, больше не двигалось. Работа снайпера. После такого выстрела, даже утерянная каска не смогла бы спасти солдата. Затих еще один из бойцов. Сережка поднялся на ноги, вышел из-за горевшей и чадающей черным дымом головной машины, понимая, что если сейчас ничего не предпринять, то до подхода колонны их перещелкают всех.

–Эй! Нохчи! – крикнул, перекрывая шум боя. Дед когда-то называл чеченов именно таким словом. – Хорош шмалять, шакалы. Подожди малость, сейчас вас резать приду!

Для наглядности сверкнул клинком ножа над головой. Его тело при этом, словно отплясывало замысловатый танец, ни секунды не стояло на месте, то одним боком, то другим, засвечивалось перед противником. Шквал огня из десятка стволов перенесся на оборзевшего одиночку, осмелившегося оскорбить воинов Аллаха. Пули пели смертельную песню, как бы сопровождая танцора, фонтанчики очередей взбивали пыль под ногами, ударялись в бронези-лет, конечности, каску. Все напрасно, безумец не обращал на них внимания. Убыстряя темп движений, все ближе и ближе, пританцовывая, приближался к засаде. Один раз, в грудь «постучались» помощней чем выстрелами из Калашникова.

«Снайпер, сука! Бьет с очень близкого расстояния», – определил казак, стремглав ворвался в лесополосу, и тут же налетел на бородатого аборигена.

Нож вошел в левую глазницу врага. Сергей вырвал у него из рук автомат и ногой отбросил тело прочь. Цепляясь одеждой за колючки кустарника, маневрируя между деревьями, стрелял на звук, выключая из списка живых всех, кто попадался на пути.

«Минус три, минус четыре, минус пять...» – на автомате отщелкивал в уме потери в стане непримиримых.

За спиной взорвалась граната, взрывная волна чувствительно толкнула его в неглубокий распадок. Пока выбрался, понял, что на дороге поменялась обстановка. Бронемашины батальона из пулеметов «чертовали» растительность по обочинам дороги. Шум, ломаемых кустов и веток, громкие выкрики команд, отдаваемых на чистом русском языке, навели на мысль, что комбат приказал ротам прочесать «зелёнку».

Хильченков вышел к дороге, взглядом окинул догорающий БТР, на броне которого проделал немалый путь по территории Чечни. Метрах в пятидесяти стояла вторая поврежденная машина федералов, она сильно накренилась на левый борт, с этой стороны у нее не осталось целых колес. У подбитой брони солдаты, из жара вытаскивают убитых, грузят в бортовой «Урал». Он видит, как кривятся их лица, еще не привыкли к смертям. Запах горелого мяса вперемешку с тлеющим тряпьем, заставляет подняться комок к горлу. Прапор Сергеев, мелкий мужичонка, лет за сорок, покрикивает на личный состав, но и по нему видно, что не по себе прапорюге. Тоже не привык к таким вывертам судьбы.

Солдаты, вчетвером ухватив углы плащ-палатки, семена, подтаскивают искалеченное тело Ванина к откинутому борту. Стараются не смотреть на то, что осталось от водилы бронника. Подняли в кузов. Вон! Лейтенанта тащут. Видно, как из тела что-то протекло через тонкую брезентуху, обильные капли каплют на пыльную траву. Война, мать ее так! Для всех них это только начало.

–Страшно-то как! А, Сережка? – голос Завгороднего за плечом.

Сергей оглянулся, мельком взглянул в глаза другу, промолчал. Пусть сам придет к своим умозаключениям, приучится к тому, что они здесь надолго, а выберутся с этой земли либо живыми, либо вон, как пацаны, вперед ногами.

От моста, согласно карте, до блокпоста, осталось не больше двадцати километров, вот только дорога шла в гору, да петляла среди ущелий. С ее серпантина иногда можно было разглядеть, как глубоко внизу поблескивает вода реки. И то сказать природа здесь величественная, ею любоваться, да картины писать, а приходится костями ложиться, да кровь лить.

После боестолкновения, остатки взвода разведки отправили в арьергард колонны, несмотря на протесты и желание Сергея продолжить путь в головном дозоре. От их взвода осталось дееспособных восемь человек. Погиб лейтенант, погибли еще шестеро военнослужащих. Раненым оказали помощь, но отправить их в место дислокации полка возможности не было. Майор Беркут, назначив новый дозор, двинул колонну по намеченному маршруту. Вот и двигались на выручку своим, вслушиваясь в далекую канонаду боя, хорошо различимую в горах. К трудностям маршрута прибавилось еще и то, что вечерело, сумерки легли на горный массив.

Их небольшой, всего два десятка человек отряд, проводник из местного тэйпа вывел в самое узкое место горной дороги. Аслан Алимханов, старший в отряде, как по возрасту, так и по положению, в свое время получил опыт войны в Абхазии и Приднестровье. Он сам расставил бойцов на местах засады. Объяснил, что и как нужно делать при появлении русской колонны. Установил запрет на курение и разведение костров.

Доку поймал недовольные взгляды, брошенные несколькими товарищами на командира. Устроившись за валуном, на полкорпуса высунулся, посмотрел вниз на полосу дороги, уходящей за угол скалы. С любовью провел ладонью по прикладу автомата, отложил его в сторону, на его место пристроил гранатомет «муха». Примерялся к нему, представляя, как произведет выстрел по металлической коробке бронемшины. Отчетливо видел, что соседи и справа и слева от него, занимаются почти тем же. Мальчишки! В их отряде Аслан считался почти стариком, ему, наверное, было уже лет сорок.

Отряд Алимханова отправили прикрыть серпантин, ведущий к блокпосту с северной стороны. Отправили не просто так, в его отряде собрался один молодняк, иным в этом году только пятнадцать лет исполнилось, еще не успели повоевать. Первый бой. Одеты, кто в чем, от обычной гражданской одежды, до поношенного, явно с чужого плеча, камуфляжа. Попадались даже черкески под куртками. Если и не смогут задержать солдат, шедших на помощь защитникам блокпоста, то хотя бы пошумят, предупредят о близкой опасности.

Доку прислушался к неторопливой, ленивой перестрелке в горах. Догадался, что это только игра на нервах у русских, на штурм джигиты пойдут, когда стемнеет, не раньше. Никто не хочет излишних потерь в отряде. В желудке засосало от голода. Из противогазной сумки вытащил банку консервов армейского производства, баранина с рисом. Ножом вскрыл ее. Отвернув на сторону тонкую крышку, с кончика ножа слизнул холодный суховатый кусок рисового месива с волокнами мяса. Стал жевать не слишком вкусный продукт пищевой промышленности России. Орудяя ножом, прикончил консерву. Можно сказать, насытился. Отбросил пустую банку за ближайший валун.

«Проклятые русские, даже пищу и ту умудрились испортить. Какая к шайтану баранина. Ее туда отродясь, никто, наверное, и не кладет! Воруют доброе мясо, шайтаны ненасытные!».

Хотелось прилечь, распластаться на широком камне, кемарнуть. Все-таки для него, жителя равнины, хождение по горам утомительное занятие.

– Приготовить оружие! – подал команду, командир отряда. – Идут.

«Где идут?».

Доку, выглянул на дорогу. Никого. Прислушался, пытаюсь расслышать хоть какие-то звуки. Ничего не слышно.

«Показалось Аслану», – подумал молодой чеченец.

Серые сумерки на глазах стали приобретать темный фон. Едва различимый гул двигателей боевых машин, донесся со стороны отвесной скалы, оттуда, где поворот дороги прятался за белёсыми жилами скальной породы, слегка поросшей кустиками зелени.

Быстро пролетевшие четверть часа, предоставили взору вынырнувшую «из-за угла» металлическую коробочку на колесном ходу, с пулеметной спаркой на башенках. За первой пошла вторая машина, третья. Жерло пулеметных стволов у всех были направлены как раз в их направлении. Солдаты, сидевшие поверх брони, пытались всмотреться в сгустившиеся сумерки. Справа от места лёжки Доку, внезапно раздался выстрел из гранатомета. У кого-то из юнцов, скорее всего, сдали нервы.

– Аллах акбар! – по-петушиному прокричал юный голос.

И тишину гор взорвали выстрелы и взрыв, те, кто лежал в засаде открыли огонь по противнику. Шуму от выстрелов и взрывов было столько, что не помогут никакие бируши в ушах. Пули рикошетили от камней, скальных выступов, металла брони, чавкали, вгрызаясь в грунт и деревья.

Хватая «муху», Доку прицелился в темнеющий силуэт бронетранспортера, поливающий склон огнем из КПВТ. Нажал скобу. Выстрел с шумом унесся вниз, а вскоре и взрыв не заставил себя ждать. Теперь можно снова бить по русским из автомата. Дотянуться до оружия, парень не сумел. Кто-то сверху навалился на него и полоска холодной стали, пройдя между ребрами, вошла в сердце.

Не рассчитывал Алимханов, что русские так быстро оклемаются от первого удара по ним, что поверху скальной гряды, извивающейся над дорогой, комбат Беркут вышлет боковой дозор. Солдаты в нем менялись каждые полчаса, зато и «шевелили лапами», старались двигаться чуть впереди колонны. Они-то и заметили засаду, по рации доложили начальству, а в неразберихе стрельбы, произвели уничтожение диверсантов с тыла. Удачно случилось, что лежавшего в укрытии крайним Алимханова «убрали» первым, дальше дело техники.

Когда батальон добрался до блокпоста, бандиты под покровом ночи растворились в горах. Бойцы внутренних войск, защищавшие маленькую крепость, встретили мотострелков недружным «УРА!». Было понятно, что если б помощь не пришла, всем бы наступили «кранты». Потери – двенадцать «двухсотых», остальные, без исключения – «трехсотые».

Ночь прошла в спокойном режиме. На всех направлениях дорог, Беркут приказал выставить технику, выставить караулы. Связавшись по радио с командиром полка, доложил о выполнении боевой задачи, о потерях в личном составе батальона. Запросил сводку погоды. Получил

приказ, выделить на блокпост взвод мотострелков и возвращаться на место дислокации части. В бревенчатой временке пришлось развернуть лазарет.

–Майор, да знаю я, что место для блокпоста выбрано неудачно. Так ведь и не я его выбирал. Сам понимаешь, оседлали развилку, обе дороги ведут в населенные пункты. Старейшины обещали, что села боевиков поддерживать не будут, а тут вот такая петрушка получается.

Раненый два раза старлей взвэшник, прежний начальник блокпоста, морщась от боли, удержал за руку Беркута, собиравшегося покинуть лазарет. Лампа «летучая мышь», безбожно коптила и давала мало света.

–Да погоди ты! По уму, в обоих аулах нужно бы провести зачистку. Только ведь не умеете вы этого. Да и в Чечне недавно. Сколько по времени?

–Пара недель. Это у нас первый бой.

–Вот! Пацаны не обстрелянные.

–Так что, так все и оставить?

–Да, пойми ты, голова садовая, опыта у вас ни у кого нет. Положишь личный состав, а я помочь не могу. Видишь, меня теперь только в госпиталь.

Старший лейтенант сокрушаясь, вздохнул. Было видно, что раны приносят ему ощутимую боль, и только укол наркотического вещества, способствовал продолжению разговора.

–Эх, моих ребят жалко. Как буду в глаза родне глядеть. Не уберег.

–Война!

–Ну, да. Слушай! Начальство ведь не ставило задачу зачищать территорию?

–Нет.

–Ну, так и не лезь. Сил мало, опыта нет. Это тебе не на равнине воевать. Короче, выставляй на блокпост усиленный взвод, оставь им харчей, да боеприпасов побольше. А сам, наверх докладывай, что взятый тобой под контроль блокпост на этом направлении никаких проблем не решает. Я, докладывал. Так они ж толком ничего не говорят, а только требуют. Мы здесь две недели куковали, не пойми, за каким лядом! Ждите, говорят. А, чего ждать? Но и бросить было нельзя. Зачем-то, ведь мы здесь торчали? Теперь вот вас припрягли.

–Ладно. Отдыхай. Пошел думать.

Беркут вышел из помещения пропитанного запахом крови и спертым воздухом. Вдохнул в легкие ночной горный аромат. Пошел по ротам. Усталость брала свое, но расслабляться было нельзя, до утра еще часа четыре. Не дай Бог снова нападут, с них станется. Места для них родные, знакомые, а он, как слепой кутенок, ничего не видит, ничего не слышит. С блокпостом этим, не все ясно.

В темноте, подсвечивая дорогу фонарем, прошел по тропинке, сокращая расстояние выхода на другую дорогу. Южная часть Чечни, расположена на северном склоне Кавказского хребта. Множество рек, проделали в рельефе протоки, и теперь шаг ступни, получишь возможность замочить ноги, по самые яйца. А неподалеку, что по верхней, что по нижней дорогам пойдешь – попадешь в долины с большими и малыми селами. Живут люди целыми родами – тейпами. Кажется, воюешь с бандитами, а на поверку оказывается, с большим родом воюешь. Днем они законопослушные граждане, не пойми какой страны, а ночью волки, так и норовят за горло ухватить. Беркут споткнулся о каменную гальку, растопырив руки, вперся в кустарник, слегка приложился о худой ствол дерева росшего практически на камнях.

–Твою ж ма-ать!

–Стой! Кто идет? – услышал негромкий окрик часового, в интонации которого распознал насмешливые нотки.

Голос часового Беркут признал сразу. Солдат не плохой, правда настырный и сверх инициативный, а теперь как выяснилось, еще и умеющий воевать.

–Беркут, – односложно ответил комбат. – И давно это ты, Хильченков, меня приметил?

–Так, с тех пор как вы на тропку стали.

–Ну-ну. Что еще скажешь?

–Все спокойно, товарищ майор. Если разрешите, я б вам посоветовал, хоть пару часов поспать. Бандитов в округе нет.

–Умный больно. Советник хренов.

Выйдя в расположение второй роты, прошелся вдоль бортов кучно натканных в ограниченном пространстве, боевых машин, наткнулся на прапорщика Михайлова.

–Ты-то чего не спишь, Олегыч? – спросил старого, прожженного прапорюгу, в свое время отбарабанившего два срока Афгана.

–Дак, товарищ майор, ротный отдыхает, командиры взводов молодые, умаялись. Пусть поспят, здесь и меня за глаза хватит.

–Хм! Значит, доброту проявил?

–Здоровую доброту, Петр Сергеич!

Перешел на деловой тон прапорщик. Беркута он знал еще летехой, и помощь ему в становлении как командира оказывал. То, что майор был именно таким, какой он есть сейчас, была и его толика лепты.

–Часовые выставлены, в машинах у пулеметов личный состав в режиме ожидания посажен, дежурство по часам расписано. Люди в секреты назначены, сами секреты вынесены на опасных направлениях, на сто метров от расположения. Что не так, товарищ майор?

–Добро, старый. Все так. Я в тебе и не сомневался. Просто настроение хреновое.

–Предчувствия одолевают?

–Да нет. Не люблю непоняток. Завтра уходим. Приказано выставить на блокпост группу мотострелков. Будут нести службу и ждать дальнейших указаний командования. А, чего тут ждать? Пока с Пирикительского хребта Господь Бог сойдет? Так, сдается мне, что тут скорее бородатого шайтана дождешься.

–Ага! И большую группу оставлять надумал?

–Взвод. Усилю его еще остатками разведдозора.

–Петр Сергеич, дозвожь мне остаться. Взвод я свой выдрессировал для боя, еще там, на Белгородщине.

–Тебе-то это зачем? До пенсии год остался.

–Ну, командир, во-первых не хорони меня раньше времени. Пожить, оно конечно еще охота. Так ведь и мы не пальцем деланные. Еще повоюем. А, во-вторых, кажется я знаю задачу блокпоста, проходили мы это в Афганистане. Скорее всего, наше командование и само не догадывается, зачем опорный пункт в горах. Сверху приказали и они исполнили. Не удивлюсь, что существует еще таких три-четыре точки. Я могу ошибиться, но думаю, что где-то на неподконтрольной федералам территории работает группа глубинной разведки, выполняет задачу, а для выхода к своим созданы коридоры, выходящие на такие «окна», вдруг пригодится. В случае большой нужды, ребята просто выходят на блокпост, а дальше по обстановке. То ли мы прикрываем их дальнейшее продвижение, то ли осуществляем сопровождение к месту, куда укажет старший группы. В общем, командир, оставляй меня старшим на объекте, как бы молодой офицер здесь дров не наломал.

–Ну, ты Олегыч и подоплеку подвел, под существование этого поста. Может все гораздо проще?

–Может и проще. Я тебе рассказал то, с чем раньше уже сталкиваться приходилось, и относительно чего, всегда держать язык за зубами. Решать все равно тебе.

–Ладно. Готовься принять объект под свое командование. Утро скоро, действительно пойду, посплю пару часов.

Глава 6. Блокпост

В оборудованном для отдыха помещении времянки все еще спали. Молодецкий здоровый храп раздавался то из одного угла спального расположения, то из другого. Сережка прикрыв дверь, выскользнул наружу. На теле надет неизменный камуфляж, на поясе подсумки, в руках саперная лопатка, как оружие ближнего боя. Чисто по привычке поёжился, глядя на осевшую росу. Прохлада горного воздуха прошла по носоглотке. Двинулся по проходу импровизированного окопа, сложенного по верху каменистого грунта из мешков, песок вперемешку с галькой, в которые свозили от реки...

Прапорщик Михайлов, приняв под свое командование горный объект, после отъезда батальона, выстроил своих подчиненных на пяточке перед блокпостом. Хитроватым взором обвел личный состав, словно оценивая, чего можно ожидать от оставшихся с ним юнцов. Сорок человек экипированных в каски и бронежилеты, сорок пар глаз, с интересом уставившихся на старого прапора, «секача», сточившего зубы на воинской службе.

—Ну, что ж хлопчики, будем нести службу на этом объекте, охранять и контролировать развилку дорог. Ежели кто думает, что это легко, или прапорщик Михайлов даст какое либо послабление, так он ошибается. Прапор Михайлов еще из ума не выжил. Будете и службу тащить, и тренироваться в отражении нападения противника на блокпост. Тех, кто думал иначе, вы имели счастье созерцать, правда, частично живыми. Оно конечно, менты всегда отличались ленцией по отношению к службе, вот и получили, как говорится, по самые помидоры. Вам такая перспектива не светит. Скажите спасибо командованию, за то, что я с вами.

Прапорщик покосился на сам объект, здорово потрепанный недавним боем, с покосившейся времянкой после удачных попаданий гранат. Два БТР-80, оставленные отряду комбата, стояли по соседству с засыпанными надолбами. Вернувшись взглядом к подчиненным, продолжил речь:

—Помимо службы будем заниматься восстановлением и обустройством хозяйства. Расширим, углубим, поправим, починим. Мешки пустые я со всего батальона собрал, бухты с «колючкой», вон в лесочке валяются, еще прежними хозяевами брошены. Так что, не робей ребята – работы на всех хватит. Сразу довожу до вас всех, что обязанности командира четвертого отделения, возлагаю на рядового Хильченкова. Ну, теперь личный состав может десять минут перекурить, а командиры отделений, милости прошу ко мне. Будем определяться, как жить.

И работа закипела. За три дня блокпост преобразился, превратился в действительно сложный объект обороны, опутанный рядами колючей проволоки, обложенный мешками с речным песком, ошетилившийся во все стороны стволами огнестрельного оружия, на самых опасных направлениях подпертый боевыми машинами со штатным вооружением.

...Вот и сейчас, выйдя из времянки, Сергей отметил отлаженность охраны. Стараясь не шуметь, прошел по проходу, он случайно наступил сапогом на сухую ветку. Послышался щелчок предохранителя на автомате.

—Спокойно, Иван, это я, Хильченков.

Рядовой Шумейко, со второго отделения, не выспавшимся взглядом, недобро смотрел на комода четвертого отделения.

—И чего тебе вечно не спится, Хильченков? Нормальные люди еще десятый сон видят, а ты каждое утро одно и то же устраиваешь, – недовольно пробурчал караульный.

—Привычка, друг мой недовольный, она как ты мог бы догадаться, вторая натура. Пойду к роднику умоюсь, да по территории пробежусь. Не злись, скоро смена.

Сергей легкой трусцой направился к бившему из-под камней ключу, в ложбинке неподалеку от блокпоста. Из молочной пелены предутреннего тумана, едва заметно проявился силуэт

часового в кустах. Пробежав по тропке мимо звонкого ключа, сначала проверил целостность поставленных растяжек. Вернувшись к роднику, разделся до пояса, вымылся ключевой водой, чувствуя, как с холодом воды, в тело вливается поток энергии, силы, таящейся в горном ручье. Усевшись у раскидистого куста, прикрыл глаза, расслабился, нырнул в состояние Хара, прошелся по каждой клеточке организма, вынырнул в информационное поле земли, проконтролировал микроскопический отрезок, касающийся территории подконтрольной взводу, просканировал округу. Горный лес жил своей жизнью, просыпался ото сна, приветствуя щебетом птиц первый луч солнца. Ничего необычного, таящего в себе близкую опасность не было. Чужие, злые мысли не проявлялись, отмечался только фон от недремлющего наряда по охране объекта, скопом выражавший негатив в отношении нехватки сна. Ну, это нормально!

А вот один индивид воспринимался по-другому. Та-ак, что у нас в той стороне? Скрытый секрет. Кто же это у нас спит на посту?

Хильченков очень быстро и бесшумно заскользил по уступам пологого спуска в нужном направлении. В посветлевших сумерках, лавируя между ветвями растений, он обогнул полукругом территорию, встав на едва заметную тропку, пробрался к вековой кавказской сосне. Вот и чуть заметная лежка! В подрытом у корней углублении, замаскированном ветками с листвой и лапником, бессовестно дрых рядовой Шильников. Любого мог сморить сон, на миг прикрыл глаза и не заметил, как заснул. Не-ет, по всему выходило, Вовочка пошел на это умышленно, отодвинув от себя мешавший «ручник», вольготно развалился на спине, с наслаждением посапывал, пуская изо рта пузыри.

«Нда, тот еще фрукт. Ведь говорил с ним на эту тему! Ладно, сам напросился, пускай теперь с ним его комод, на пару с Михайловым разбираются!».

Зная, что посторонних в округе нет, Серега за ствол аккуратно поднял пулемет, взгромоздив его на плечо, не торопясь поднялся к блокпосту. Прошмыгнув под носом у часовых, проскользнул к времянке. Дверь маленькой кандейки, в которой ютился прапорщик, скрипнула, впуская его в помещение с подслеповатым оконцем над «кроватью» прапора.

–Хильченков, ты? – хрипло от сна, спросил «кусок».

–Я, товарищ прапорщик.

–Чего в такую рань? Случилось что?

–Вот, оружие Шильникова с секрета принес.

–Сам-то он где? Живой?

Михайлов окончательно просыпаясь, как ужаленный подскочил с лежанки нар.

–Живо-ой. Чего этому коню педальному сделается. Второй раз на посту дрыхнет. Я его уже предупреждал. Не подействовало. Не понял, что из-за него ребята могут погибнуть.

–Это так.

Прапорщик сноровисто перепоясался ремнем с подсумками автоматных магазинов и ножами с ножом. Схватил рукой калаш, шагнул к двери, но передумав, резко тормознул. Обернувшись, уставился на подчиненного.

–Хильченков, и откуда ты такой правильный взялся? Ведь еще и месяца на войне не прожил, а повадка как у матерого волка?

–Меня, товарищ прапорщик, прадед воспитал, без отца и матери. Я, казак-пластун, считайте как по роду, так и по внутреннему содержанию. Не могу я быть другим.

–Ну, добро. Пошли, пластун.

Следуя за массивной фигурой прапорщика, исподволь в голову пришла мысль, вот зачем этому уже не молодому мужчине, практически пенсионеру, участвовать в такой войне? Мог бы себе позволить тихо дослужить срок контракта и уйти на заслуженный отдых.

Ворвавшись на центральный пост, где достаивал свое дежурство младший сержант Яхин, поднявшийся на ноги для доклада начальству, Михайлов громогласно объявил:

–Тревога! Враг готовится напасть на объект!

Кирилл Яхин, подвижный мальчишка девятнадцати лет от роду, воспитанник Новосибирского детского дома, схватил в руку металлический шкворень, подбежав к куску подвешенного к перекладине рельса, размахнулся, но ударить по нему не успел. Прапорщик опередил действия дежурного.

– Произвести скрытное оповещение личного состава. Вызвать наряды из секретов!

Кирка, бросив шкворень прямо на землю метнулся к и без того проснувшимся во времянке солдатам. Забегали, бряцая оружием поднятые наспех бойцы, толкаясь в ходах сообщения, падали на отведенные каждому места, приводили оружие к боевому применению. Команды командиров отделений слышались из разных направлений «цитадели». Слова русского мата прорывались то из одного, то из другого места. В конечном итоге блокпост замер, ощерившись стволами во все стороны. Только доклады «комодов» прорезали сложившуюся тишину:

– Третье отделение к бою готово!

– Первое отделение, готово!

– Второе...!

– Четвертое...!

Яхин, добравшись до командира, доложил:

– Блокпост к отражению нападения готов! За лицами, несущими наряды в секретах, посыльные отправлены!

Михайлов обходил свое хозяйство, пристальным взглядом окидывал притихших, готовых к бою солдат, уже негромким голосом распекал нерадивых за недостатки и разгильдяйство. Вернулись из секретов парни, наряженные в них.

Потом было общее построение и долгая, въедливая беседа при всех с Шильниковым, закончившаяся тем, что у последнего в результате этой беседы, замерцал под глазом огромный, качественно поставленный рукой-кувалдой, фонарь.

– Вот из-за таких уродов, моджахеды в свое время, вырезали целые подразделения. Думаете, «чехи» не в состоянии проделать такое с вами? Ошибаетесь! – подвел итоги тренировки прапор.

Полдня, за Михайловым следовал по пятам Вова Шильников, канюча, и давя на жалость:

– Ну, та-ащ прапорщик, отдайте пожалуйста пулемет. Я больше так не буду!

– Конечно не будешь!

– Ну, та-ащ прапорщик...

– Пошел нах, мудозвон! Я тебе сегодня личное оружие вручил? Вот и пользуйся. Во всяком случае, лично я буду знать, чего теперь от тебя ожидать.

Перед строем Михайлов вручил Вовчику метлу, назначив вечным уборщиком территории и по совместительству помощником кашевара. Менять свое решение не хотел.

Ближе к обеду, Сергей почувствовал со стороны верхней дороги приближение к объекту чужих. Но вызванное им состояние медитации, беспокойство не вселяло. Значит, опасности посетители не несли.

На окраине блокпоста нарисовались двое стариков из аула. Одеты в длинные национальные лапсердаки, в каракулевых высоких папах на головах, они остановились у «колючки», опираясь на сучковатые, отполированные руками палки. Седые бороды, морщинистые лица, и годы прожитой жизни, вызвали уважение к пришлым. Внешний облик и спокойствие аксакалов, говорили о том, что в гости пришли уважаемые люди селения.

– Товарищ прапорщик, разрешите сопровождать?

Попросил Сергей.

Прапор мельком зыркнул в сторону настырного солдата. Про таких говорят, что они в любой бочке затычкой являются. Ну-ну!

– Пошли, – согласился Михайлов.

Проследовав мимо настороженных мальчишеских взглядов, минуя ход сообщения, выложенный из мешков с песком, через проход оставленный специально и не затянутый колючей проволокой, оба вышли на дорогу к шлагбауму.

– Ас-салам алейкум, начальник, – поздоровались старики, с интересом разглядывая военного в годах, с АКМом на плече, совсем не обращая внимания на мальчишку, следовавшего за ним по пятам.

– Ва-алейкум салам, уважаемые, – ответил на приветствие Михайлов. – С чем к нам пожаловали? Какая нужда привела вас к нашему порогу?

– По-соседству живем, пришли узнать, может чего надо?

– Спасибо за заботу. Только я так думаю, что соседство наше лучше всего оставить как есть. Зачем обещать то, что нельзя выполнить.

– При прежнем начальнике, люди нашего селения могли передвигаться по дороге по своим надобностям. Теперь же, мы не знаем, можем ли пользоваться нею, или придется ходить тропами?

– Отчего же. Пользуйтесь, только паспорта пусть ваши сельчане носят при себе. Хуна кхейтий, дада?

Неуважение проявить – так стоять, не пригласив стариков к себе, но Михайлов и не думал пускать на объект посторонних, тем более догадывался, что, скорее всего эти двое были в гостях и у старлея. С тех пор блокпост перестроили, и как оно там внутри, нечего показывать всем, желающим поглазеть. Хильченков в это время «сканировал» аксакалов, пытался поковыряться в мозгах, но тяжело было воспринимать отрывки тарабарщины на незнакомом языке. Только на общем фоне всплыла хищная тень, стоявшая за этим посещением на объект. Проскочило имя Салмана Мовсаева, причем всплывало оно в мозгах у обоих посетителей, и все, опыта у него практически нет, а как говаривал дед, опыт придет не скоро, только с большой практикой.

– Со кхийти, дик ду, русский, – невозмутимо произнес один из стариков. – Вы пришли на нашу землю, топчете ее, не понимая нашей жизни. Как мы должны воспринимать вас?

– Баркалла не надо, уважаемый! Сейчас тысячи твоих соплеменников топчут землю в русских городах, занимаются торговлей, бандитствуют, и что характерно, не ведут себя как в родном ауле, не соблюдают законов земли, по которой ходят, не смотрят на обычаи людей, рядом с которыми обосновались. Вон ваши джигиты нашу крепость Грозную, ставшую столицей автономии в рассадник бандитов превратили, всех людей иной веры и национальности вырезали, в лучшем случае выгнали. Как мы должны воспринимать вас?

Помолчав постояли, каждый обдумывал сказанное другим, осмысливая последствия сказанного. Выходило так, что оба минуя общепринятые слова, сказали друг другу, что они не друзья, никогда не станут ними, останутся навечно врагами.

– Прощай начальник.

– И вам нек дика хюлда хан.

Сделавшие десяток шагов прочь от блокпоста, вынуждены были обернуться на голос юнца, на которого они прежде даже не обратили внимания.

– Уважаемые! – подал голос Сергей. – Передавайте привет Салману Мовсаеву.

Переглянувшись, оба торопливо, перебирая палками ход шагов, покинули точку randevu, а вскоре и вовсе скрылись из глаз.

Провожая взглядом уходивших стариков, Михайлов не оборачиваясь, задал вопрос:

– Ну и кому это ты приветы передаешь?

– Тому, кто стоит за приходом стариков, кто уже один раз пытался уничтожить блокпост. Мы с вами здесь одни, товарищ прапорщик. Могу вам кое-что рассказать о себе.

– Ну, давай, исповедуйся.

–Скажем так, прадед, воспитавший меня, кое-чему, из того, что передается в нашем роду по наследству, научил и меня. Я умею чувствовать опасность, исходящую со стороны.

–Х-хы, слышал я о таком. Вот только верится с трудом.

–И все же это так. Вот и Шильникова, спавшего на посту, почувствовал. Так же и с угрозой нападения.

–Это что ж, я теперь могу снять наряды, а ты мне будешь указывать, откуда, кто нападет?

–Ха-ха! Смешно. Но спать-то мне тоже надо. Я же не робот.

–Та-ак! А чем докажешь?

–Поживем, послужим, если что, то я предупрежу. Да и зачем нам расслабуха у личного состава?

–Это ты в самую точку попал. Идем. Колдун, етишкин корень!

После прошедшего посещения стариками хозяйства Михайлова, народ селения стал пользоваться дорогой. Мимо блокпоста сновали по своим делам мирные жители. Выполнявшие свои обязанности солдаты у шлагбаума, добросовестно проверяли документы проезжающих, досматривали машины, как правило «Нивы», да потрепанные «Жигули». Перетряхивали нехитрый селянский скарб. Особенно много народу перемещалось в обоих направлениях в субботу-воскресенье, оно и понятно, по старой памяти эти базарные дни имели для населения почти сакральное значение. Чеченцы пытались завязать знакомства с охраной, но под неусыпным оком Михайлова, этот номер у них не проходил.

Связь с полком поддерживалась три раза в сутки, и люди знали, что полк воюет в предгорном районе, его словно пожарную команду, бросали туда, где вспыхивали очаги напряженности. Знали, что полк несет потери. Не знали только то, что связь прослушивается врагом. А, зря! В назначенный день, на малую колонну, везущую продовольствие взводу, уже в горах напали бандиты. Михайлов рвал и метал. Доложился, что колонна до места назначения не добралась. А вскоре потревожили и их.

Под самый вечер, чувство тревоги охватило Сергея. Присев на нары, отключил от действительности свое сознание.

«Опять Серега чудит!», – посмеиваясь, переглядывались ребята.

–Да, тише вы, кони! – наехал на сослуживцев Завгородний. – Пусть человек расслабится, вам не все равно, чем он занимается в свободное время?

–Да нам-то что? Пусть хоть на голове стоит, – подал голос Стародуб, неулыбчивый, рассудительный парень из отделения Хильченкова.

Сергей почувствовал скопление множества чужих мыслей со стороны верхней дороги, обрывки чувств, ненависть, волнительный кураж. Мыслеформа черная, по информационному полю расплескалась ненавистью.

Вынырнув из медитативного состояния, подхватив из сколоченной из досок ружейной пирамиды свою СВДешку, не говоря ни слова, выбежал из помещения.

–Товарищ прапорщик, кажется, начинается! На верхней дороге, от тридцати до сорока боевиков. На нижней, примерно столько же. Надо объявлять тревогу.

Совсем не удивляясь, Михайлов кивнул. Схватив автомат и броник, выскочил вслед за Сережкой.

–Занять круговую оборону согласно расписанию! Убрать наряд с Контрольно-Пропускного пункта.

И пошел по хозяйству, смотрел, как выполняется приказ.

–Проверяйте оружие, сынки. При нападении на пост, огонь на поражение! Хильченков!

–Я!

–Ты, старшим на нижнем направлении. Гляди там....

–Есть!

Еще не стемнело, еще даже сумерки не угнездились под кронами деревьев, когда с обоих направлений пригибаясь к самой траве, перебежками полезли «чехи». Маневрировали в редколесье, прятались за камнями. Расчищенное от всякой растительности и сухостоя метров на сто, голое пространство перед блокпостом, издали позволяло увидеть приближение боевиков. Не зря прапорщик заставил выкорчевать поросль на самых опасных направлениях.

–Огонь! – подал команду Сергей и сам приложился к оптике прицела.

Затягвали автоматы, залаяли «машинки» большего калибра, заставив выбежавших на открытое пространство джигитов залечь, вжаться в землю и камень, открыть ответный огонь по позициям русских. Пули со свистом проносились над головой, рвали материю мешковины, заставляя песок струйками высыпаться через дыры в траву. Где-то в подлеске прогремел взрыв, и даже с такого расстояния, в шуме боя слышался истошный крик. Кто-то оборвал растяжку и сработала эфка, шпигуя округу осколками.

Кому-то не повезло! Вдруг, словно перекликаясь с криком со стороны боевиков, закричал кто-то из своих, нарвавшись на пулю. Чертя за собой хвосты, два заряда выпущенных из гранатометов, взорвались, раскидали укладки оборонительных сооружений, заставили умолкнуть раненого, а вместе с ним, накрыли пулеметное «гнездо».

Сергей планомерно отстреливал зарвавшихся, подтянувшихся к самой «колючке» бандитов. Отыскивал в оптику живые тела, подводил прицел и нажимал на спусковой крючок. Разрывы ВОГов почистили просеку, заставили нападавших ослабить напор. А то, что Хильченков «снял» обоих гранатометчиков, совсем свело на нет попытку неожиданной атаки.

С верхнего направления еще слышна была ружейная перепалка, взрывы и крики, но и там уже чувствовалось, что бой идет к логическому завершению. Сергей пробежался по проходу между мешками, отмечая разрушения, следовавшие в ходе боя, обращая внимание на общий настрой своих бойцов, выискивая среди них потери. Дела и впрямь были неважные, погибло два солдата. Взрыв гранаты, выпущенной из гранатомета в самом начале боя, оборвал нить жизни ребят. Тяжелых «трехсотых», тоже было двое, остальные по мелочи, получили царапины, а кто и вовсе отделался испугом. Но бой все ж они выиграли.

–Колянчик! Васьков! – позвал комода три. – Пригляди тут. Я за бруствер сгоняю. Может, повезет взять «языка»?

–Ты че-о, охренел в атаке? Контузило?

–Не бзди, – на ходу промолвил он, срывая с себя каску, бронежилет и пристраивая к брустверу СВДшку.

Подмигнул.

– Все путем!

–Ну, Серега, ты и мудак!

Услышал за спиной приглушенный голос напарника.

Словно тень, характерник выскользнул наружу блокпоста, саперной лопаткой приподняв нижнюю нитку колючки, на спине просунул под ней, располозова материю на штанине. В ускоренном режиме преодолел сотню метров до лесной полосы. Может, кто из боевиков и видел безумца, несшегося через поле боя с саперной лопаткой в одной руке и ножом в другой, только и это вряд ли. Живые, как понял Сергей, успели ретироваться до его появления.

Он бежал по свежим следам, оставленным множеством ног. Враг отступал в спешке, не заботясь о маскировке. За спиной, там где остался блокпост, еще продолжалась вялая перестрелка. В лесу повисли сумерки, но еще хорошо различались натоptyши на траве, сломанные и потревоженные растения, их примятости оставленные при волочении груза. Наконец он догнал отступавших. Впереди мелькали спины боевиков. Два силуэта с оружием наизготовку, запаленным дыханием и топотом ног, обутом в кирзачи, создавали ощутимый шум, бежали по следу своих же товарищей. Видимо это был заслон на случай преследования.

Едва заметив врага, Сергей и без того прибавил скорости хода. Пристроившись в кильватер, пустил в ход саперную лопатку, не заботясь, выживет ли после такого удара человек.

– А-а!

Вывался из груди крик боевика получившего заточенной сталью по загривку. Второй, затормозив, дал автоматную очередь от бедра, не заботясь о том, что пули могут скосить и товарища. Сергей ушел в сторону, а затем перекатом через голову приблизился на расстояние броска лопатки. При постановке ног в рабочее положение, саперная лопатка сорвалась с кисти. Прыткий, длиннорукий кавказец, будто ждал такого поворота событий, отбил ее автоматом, затем направил его ствол точно в грудь русскому. Расстояние между противниками было минимальным. Сергей ударом ноги отвел в сторону ствол, сам направил руку с ножом в корпус абрека, но тот в свою очередь тоже ногой отбил нож. Берцем выбив клинок из руки, бросился преследователю под ноги, сбивая того на землю. Оба сцепились, покатались по земле.

– А-а! Русский! – рычал кавказец в лицо.

Обеими руками, как клещами сдавил горло характернику, чувствовалось, что пришлось ему повоевать, не раз поучаствовать в рукопашных. Желание свернуть шею противнику, задушить его, разорвать глотку, витало в воздухе, заполняя ненавистью все пространство серых клеток в голове.

Сергей хрипел, попытался оторвать руки от горла. Куда там! Хватка мертвецкая. Еще пару мгновений и все, пишите письма. Сознание было на краю восприятия действительности. Сережка правой рукой прошелся по одежде чеченца, нащупал рукоять ножа на поясе противника. Ухватив ее, выдернул из ножен и, понимая, что все, сейчас скиснет, всадил нож в ухо врагу. Что-то горячее и мокрое полилось на лицо, и с этим ощущением он потерял сознание. Уже не слышал, не чувствовал как ослабла хватка противника, как дернувшееся в судороге тело тяжелым грузом навалилось на него, а всклоченная голова легла рядом с его головой, уткнувшись в смятую, вытоптанную борьбой траву.

Пришел в себя в полнейшей темноте, землю покрыла ночь. Через густые кроны деревьев можно было рассмотреть лишь одинокую звезду, блекло мерцавшую в небе над ним. Сбросил с себя тяжелый труп абрека. Провел ладонью по лицу, ощутив что-то липкое на волосах и коже. Потрогал горло, которое неимоверно саднило, будто его только что вытащили из петли. Поднялся на ноги. Глаза, пообвыкшие с темнотой, едва различали бардак на широком пятакке. Кряхтя и чертыхаясь, рассупонил ремень на трупе, стащил с него куртку, расстелил ее на земле, собрал с обоих покойников оружие и боеприпасы в нее, завязал рукава узлом. Свой нож сунул в ножны на поясе. Взвалил узел на плечо, придерживая лямку из рукавов левой рукой, захватил правой саперную лопатку, двинулся дальше по следам.

«Пройдусь хоть до дороги, – подумал Сергей. – Вдруг еще кого увижу».

Шел уже не торопясь, шепча слова молитвы, слова заговора, слова благодарности, впитавшиеся в мозг с наукой деда:

«Спасибо тебе Господи, спасибо Матерь Божья,
Спасибо Николай Угодник, Георгий Победоносец
За помощь в бою.
Спасибо моим покровителям, хранителям, и защитникам,
За то, что в трудную минуту были со мной.
Я сын Божий, я в руках Божьих.
Аминь!».

Спустившись по лесному массиву к дороге, сбросил тяжелый узел на придорожную россыпь камней. Стараясь не топтать сапогами, пошел в сторону, противоположную блокпосту. Уже метров через двести заметил темный силуэт напротив белеющего в лунном свете скального среза. Автомобиль.

Раздолбанная при езде по горным дорогам «Нива», скорее всего, была оставлена прикрытию. Или на нее просто не нашлось умеющего водить машину джигита. Враг убрался восвояси, оставив трофей. Обойдя машину, приложил ладонь к капоту. Холодный. Открыв дверцу, нашарил ключ в замке зажигания. Хотел сесть на седушку, когда в голову пришла мысль:

«А вдруг...».

Под сиденьем нашел всунутую «лимонку» без чеки. Достаточно было тронуться с места и тряхнуть автомобиль на кочке, взрыв обеспечен. Размахнувшись, бросил «подарок» за скалу. Прогремел взрыв, после которого, сверху шурша, посыпался щебень. Полез под второе сиденье, и там гостинец. Второй взрыв огласил округу. Пришлось проверить багажник. Пусто. Сел за руль, завел машину. Двигатель работал исправно. Включив дальний свет фар, тронулся с места. Подогнав автомобиль к узлу, забросил его в багажник. На второй передаче не торопясь поехал на блокпост.

Ребят, погибших в бою, уложили отдельно в дальнем углу, огороженного колючей проволокой периметра. Накрыли брезентом. Пятеро девятнадцатилетних пацанов, которых ждут дома, и которые приедут к родным очагам в «цинках», принося не радость, а слезы. Завтра в десять часов утра, вертушка увезет их с поста, а в графе «невосполнимые потери» добавится еще пять фамилий.

Сон свалил усталое тело только к середине ночи.

После отправки погибших и раненных, на блокпосту осталось тридцать один человек, включая прапорщика Михайлова. От начальства поступила благодарность за несение службы, боевые действия и уничтожение двадцати восьми боевиков. Капитан Извеков посетивший блокпост, на счет пополнения личного состава ответить ничего не мог, так и улетел в полк. Служба для оставшихся продолжилась в прежнем режиме.

Глава 7. «Танцы с волками»

– Альфред, я выбрал вас из многих моих служащих. Вы показались мне наиболее разумным в отношении общения с дикими, отсталыми представителями гомосапиенс.

– Спасибо сэр!

– Не стоит благодарить. Я следил за вашей карьерой, за вашей деятельностью в Анголе и Никарагуа. Ваша молодость тогда даже подкупала. Вам ставилась задача, и вы выполняли ее с большим энтузиазмом. Находили исполнителей, в стане врагов находили людей подверженных непреодолимому желанию возвыситься, разбогатеть, стать во главе страны, но фактически подчинившихся нам. С возрастом вы приобрели опыт, стали планировать свои действия гораздо скрупулезней и эффективнее, при этом всегда оставаясь в тени.

– Мне лестно слушать такую оценку моей деятельности, сэр. Я правильно понял, что после ежегодной встречи клуба «трехсот» для меня есть работа в одной из стран третьего мира?

– Вы догадливы.

Шеф, сидевший за широким инкрустированным золотом столом, в мягком удобном кресле, жестом предложил присесть, до этого стоявшему на вытяжку уже немолодому мужчине. В империи мультимиллионера и члена клуба «трехсот», занимавшего должность координатора проектов, он был всего лишь винтиком в громадной машине, направленной на захват власти и богатства. Власть была у шефа, действительно безграничная власть. До их уровня подняться не возможно. Войти в «комитет трехсот» – нельзя. Не получится, как бы ни хотелось, что бы кто ни делал. Чтобы быть в нем, нужно лишь родиться в одной из трех сотен избранных семей. На эту элиту можно работать, получать большие деньги за это, пользоваться благами от щедрот, но к ней, ни за что не приблизишься. Кун это усвоил накрепко, поэтому «не бедствовал».

Родом из западной Германии, Альфред Кун, с молодых ногтей стал работать на «фирму». В жизни было всякое, но за тридцать лет работы на шефа он действительно стал профессионалом политической аферы, холодной войны и разработчиком финансовых кризисов в локальных местах земного шара. Открыв свою контору в Берне, негласно он давно ушел с первых ролей, но всегда держал руку на пульсе и лишь немногие знали о втором дне безобидной фирмы Куна. Вызов на «ковер», к «самому», значило многое. В мире предполагались события способные коренным образом изменить обстановку на политическом поле в одном из регионов земного шара.

«В каком?».

– Что вы знаете о событиях на Северном Кавказе?

– Сэр?

– Что вы можете сказать?

Кун, сидевший за длинным столом черного дерева, приставленным к столу шефа, напрягся, в уме формализуя всю информацию о названном регионе.

– После распада в августе тысячу девятьсот девяносто первого года СССР, Северный Кавказ остался в составе Российской Федерации. Территориально он включает юг Краснодарского Края, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Ингушетию, Чечню и Дагестан. Три последних быстро оказались втянутыми в события, выходящие за границы мирной жизни.

Человек, сидевший в председательском кресле, внимательно слушал.

– Дагестан оказался полностью отданным на откуп местным царькам, племенным вождям и преступникам всех мастей. Эти структуры слились воедино, они лояльно относятся к Москве. Организовали нелегальное производство всего, что только можно производить, подпольные рыбные промыслы, да много чего еще. Во всех трех Республиках прошла повсеместная исламизация. Стал использоваться наемный, и даже рабский труд, свозимых с территории

бывшего СССР людей. По Чечне сценарий «демократических преобразований» был разработан в несколько другом ключе. Там верх взял сепаратизм. Ставка делалась на активизацию так называемых тейпов, эмиссары призвали правоверных стать под зеленое знамя ислама. Подогретые финансовыми вливаниями, люди, стоящие у власти в Москве практически, не мешают такому процессу. Быстро нашли вождя-чеченца, ним стал генерал Дудаев. С этим человеком плотно поработали резиденты спецслужб США и запада, его «подвели» к Ельцину и некоторым представителям власти России, окружили советниками. Дудаев пришел к власти в Чечне, вот только Москва прогадала со своей политикой. Генерал оказался именно тем человеком, который устроил нас, а его амбиции довели кавказскую республику до независимости, а затем и до войны. В процессе прихода к власти, территорию независимой теперь уже республики Ичкерия, основательно «почистили» от русскоязычного населения. Под лозунгом «грабь награбленное», были учинены грабежи, убийства, избиение русских. Прогрессирует такое явление, как хищение людей и торговля ними. Предполагаю, что одна из ключевых фигур в Министерстве Обороны России, а конкретно Павел Грачев, давно и превосходно работает на нас.

Кун вопросительно посмотрел на шефа.

– На основании чего вы делаете такой вывод?

– В апреле девяносто второго года на закрытом совещании Совета безопасности России, Грачев предложил передать Дудаеву пятьдесят процентов находившегося в Чечне вооружения. Проект реализовали даже сверх меры. Оставили все.

– Кун, я вами доволен. Вы действительно профессионал, – шеф улыбнулся, при этом глаза его оставались холодны, как и его голос. – Предлагаю вам навестить этого дикаря, Дудаева, причем официально вы направляетесь к варварам в составе гуманитарной миссии. Основной задачей является финансирование боевиков и как плата за помощь, генерал обязан расширить район военных действий. Пора переносить «пожар» на территорию России. Ее юг должен запылать. Советский Союз распался не без нашей помощи. Пора шагнуть на следующую ступень лестницы. Слишком большой территорией владеют русские, они по своему развитию не способны управлять нею, пользоваться благами и богатствами земли, ее природными ресурсами. Необходимо исправить ошибку, разорвать государство на мелкие княжества, а затем и поглотить их. Европа хотела бы видеть Россию в границах Московской губернии, не более того. Вам все понятно?

– Да, шеф.

– Можете быть свободны. Готовьте бизнес-план, и через неделю я жду вас здесь же, с просчитанными предложениями. Да-а! Финансовые потоки в Кавказский регион будут направлены из Саудовской Аравии, ну и из других арабских стран, так что и в плане это нужно будет отметить.

–Слушаюсь, сэр!

–Идите, Альфред.

Ему чудом удалось оторваться от погони. Помог дождь, даже не дождь, ливень. С тех пор как на узкой тропе он оставил двоих своих товарищей, тех, кто выжил из всей группы разведки, он клял себя последними словами, но понимал они правы, меняя свои жизни на попытку его выхода к своим. На прощание обнялись, уже зная, что никогда больше не увидятся.

– Живи, Алешка, постарайся дойти иначе все окажется зря.

Без сантиментов, украдкой смахнул набежавшую слезу, развернулся и больше не оглядываясь, пошел по тропе.

Старый потерял много крови, да и возраст уже почти предельный, не выдюжить ему сороковника километров до точки подскока. Вон горка вся топорщится, пропиталась кровью. Артур молодой, но это его пришлось тащить на закорках, прострелены обе ноги, а на плечах у них у всех, два десятка вышколенных в военных лагерях бандитов. И это только передовой отряд,

которому на пятки наступает непонятно сколько абреков. Повезло еще, что хоть до этого места смогли добраться. Тропа узкая, справа пропасть, слева отвесные скалы. Начнешь обходить, потеряешь уйму драгоценного времени. Если повезет, Старый с Артуром смогут поддержать погоню еще некоторое время. Он конечно устал, но ведь не ранен.

Серое небо закрыло тучами вечернее солнце. Нависшие над самой тропой кавказские лианы плюща делали природу в этих местах угрюмой под стать погоде. Тропа раздваивалась на два рукава. Широкий, уходил в западном направлении, ему же надо было держаться северо-востока. Опять топтать в гору.

Прыгая рифлеными подошвами по плоским, вросшим в грунт камням, как по ступеням, погнал себя на подъем. Тяжело! Дыхание и так прерывистое, сразу же начало сбиваться. Устал! Похудел за эту командировку от напряженной работы и волнений, килограмм на десять. Одежда, вон, болтается как на вешалке. А жрать то, как хочется!

«Когда это я последний раз ел? Ну, точно не сегодня. Некогда было сегодня поесть. Переход. Попытка отрыва. Потом бой. Нет, сегодня не ел».

Чтоб было сподручней, перекинул автомат стволом вниз. Чуть задержался, переводя дух, провел рукой по лицу, смахивая пот ладонью.

«Щетиной оброс, словно местный абориген. Вот так бы появиться на улицах Москвы, так, наверное, и знакомые не сразу признают. Фух! Чего стоим? Кого ждем? Вперед!».

Где-то там, со стороны, откуда пришел, слышались отзвуки боя. Причем в какофонии звуков угадывалась автоматная перестрелка. Редко-редко звучали взрывы. Там за его жизнь сражались ребята, с которыми он прошел по дорогам войны не один километр.

«Наддай! Наддай, слышишь, парни ведут бой. Им сейчас не позавидуешь! И дело даже не в смерти. Все когда то там будем. Не дай бог погибнуть где-то в горах, далеко от населенных пунктов. Тело так и будет валяться там, где принял смерть. Двуногие шакалы вряд ли похоронят, лесные звери разорвут, растреплют по косточкам, устроят пир, праздник живота».

Тропа прекратила подъем и пошла вдоль уступов, образовав проход приступкой наклоненной вниз, во многих местах пресекаясь зарослями кустарника. Видать давненько по ней кто-либо хаживал. А с неба заморосил мерзопакостный дождик, заставляя при движении усилить бдительность. Поскользнёшься ненароком, сверзнёшься, костей не соберешь. Быстро темнело. Сколько он прошел? Не так уж и много. Прибавить темп! А сил все меньше.

«Давай, слабак! Ну!

Я бегу-бегу-бегу, по гаревой дорожке.

Мне пить нельзя, мне спать нельзя, мне есть нельзя ни крошки...

Давай-давай!».

Бросил взгляд на часы.

«Только восемь вечера, а темнеет-то как быстро. Скоро будет как у негра в жопе».

Наконец-то обогнул скальный серпантин. Дорога стала поровней, тропа расширилась, правда и дождь прибавил обороты, падал на распаленное бегом лицо. Слизнув с губ капли, почувствовал солоноватый привкус пота.

«Как же всё-таки «чехи» не хотят, чтобы информация по немцу и Дудаеву ушла в Москву!»

Уже вымотанный до предела, прилёг, облокотившись спиной на ствол сосны. Темень невообразимая. Видимость – ноль.

«Передохну минуток пятнадцать. Общее направление известно. До блокпоста километров пятнадцать осталось, а там свои помогут».

Прикрыл глаза, показалось на секунду. Вырубился. Организм обманул. Уснул глубоким сном. Никакой дождь не мог помешать сну.

Подсознание толкнуло серые клетки. Открыл глаза, первоначально не понимая, где он, но быстро сориентировался. Всё тело ломило, будто его били всю ночь. Дождь давно кончился,

но утро еще не наступило. На душе тревожно, с мыслями пришло и ощущение чего-то нехорошего. С трудом поднялся на ноги. Потяжелевший вдруг автомат, подхватив, повесил за ремень на плечо в походное положение.

«Двинули!»

Снова тропа. Движения, поначалу скованные после сна, стали сноровистыми, упругими. Видно расходился.

Его нагнали, когда уже рассвело. Нагнали, не заботясь о том, что он услышит погоню. Шумели не по-детски, изображая из себя загонщиков на охоте. Спешить было некуда, все равно не уйдешь. Используя отпущенные минуты, он подобрал лежку для последнего боя. Расположился. Дослал патрон в патронник «Стечкина». Проверил патроны в магазинах калаша, поставил флажок на одиночную стрельбу.

«Ну, с Богом!»

Сергея будто кто-то вытолкнул с нар. Уже понял, что где-то на южном направлении затевается что-то нехорошее. Сунул ноги на расправленные на раструбах сапог портянки, вдел их как носки, не перематывая вокруг ступней. Нанизал на ремень подсумок с магазинами от автомата, защелкнул его на поясе. Подхватил из пирамиды освободившийся, после потерь ребят, АК-74.

– Ты чего это? – спросил проснувшийся Артем.

– Поднимай ребят, Тема. Пусть экипируются, чую, «чехи» неподалеку бродят.

– Ага, понял.

Сергей вломился к Михайлову.

– Товарищ прапорщик, подъем!

– Хильченков? – в темноте узнал по голосу.

– Я!

– Что там?

– «Чехи», на южном направлении.

– Понял!

– Только я, разрешите, в лес выберусь. Не одни они там. Кто-то из наших тоже есть.

– Давай действуй. Только башку не подставляй.

Сергей выбежал к шлагбауму, на ходу бросил скучающим, давно заметившим его передвижения, Иванову с Седиковым:

– Завязывайте с ночным бдением, сейчас тревогу объявят. Топайте по своим местам.

– Эй, а ты куда?

– По лесу пробегусь!

Лес принял его сонной патиной тумана, влажной взвесью после ночного дождя, и при проскребании через заросли, градом капель с потревоженной листвы. Хэбэ, мало того, что сразу стало сырым, оно превратилось в мокрую тряпку, тут же прилипло к телу. Шел, минуя тропы, по бездорожью, перескакивая то по камням, то по плоскому, усыпанному мусором глинозему, поросшему сочной травой. Если бы не трава, давно бы на сапогах налипли неподъемные серые вериги раскисшей земли.

Вдруг впереди, еще очень далеко, именно в том направлении, куда шел, послышался одиночный выстрел, и тишина взорвалась ответной стрельбой. Прибавил скорости, всеми фибрами души ощущая присутствие врагов. Перестрелка не прекращалась, к ней добавились разрывы гранат и гортанные, лающие крики кавказцев, присутствие которых обозначилось неподалеку.

Сережка вклинился в сеть, расставленную загонщиками. Загодя заговаривая свою нынешнюю ипостась, выбежал к двум абрекам рассеянной пеленой, отдаленно напоминающей человеческий облик. Находясь, неподалеку друг от друга, они не участвовали в самом про-

цессе боя, страховали местность на случай прорыва русского через охотничью команду. Надо отдать им должное, на обычных колхозников, не так давно взявших в руки автомат, они не были похожи ни повадками, ни экипировкой. Скорее всего, походили на бойцов элитного подразделения. Тихо перебрасываясь словами, умело контролировали обстановку.

Приблизившись вплотную к первому, который по какой-то только ему известной причине нервно бросил взгляд себе за спину. Почувствовал близкую смерть? Стрельба была слышна лишь в одном месте леса. Скорее всего, жертва не могла вести передвижений, не маневрировала, а загонщики, может даже, получили приказ взять последнего игрока на этом «поле» живым.

Не отвлекаться!

Сергей, не мудрствуя больше, из-за спины врага, с малого замаха, клинком проткнул бычью шею бородача в районе сонной артерии. Тут же извлек из раны, пока еще стоявшего на ногах человека нож. Броском перекрыл расстояние в пять метров до второго противника. Уже рассвело, видимость удовлетворяла, нож вошел точно под подбородок.

– Хр-ррх-рр!

Руки умирающего выпустили оружие в траву, конвульсивно потянулись к своей шее, пытаясь в последнем мгновении жизни вытащить приносящую боль сталь из тела. На губах чеченца обильно выступила красная пена, глаза закатились, а мышцы конечностей потеряли упругость. Человек сломался в ногах и спине, растянулся на траве во весь свой богатырский рост.

«Хороший нож!»

Пряча клинок, подаренный другом детства в кожаные ножны, продолжил движение, а войдя в круг загонщиков, уже из автомата, выстреливая очереди в три патрона, снял соседей справа и слева от себя. Пошёл по кругу, производя зачистку, отмечая, что со стороны «дичи» не слышно ответной пальбы.

«Может патроны кончились?»

Изменил первоначальные намерения. Двинулся к загнанному в угол федералу. Вовремя! Увидел, как лежащий у корней двух сосен человек европейской наружности, но исхудавший и заросший, как папуас Новой Гвинеи, залитый кровью в районе корпуса, пытается дотянуться рукой до РГДшки, невовремя укатившейся из матерчатого подсумка, а над ним навис холеный, сильный и знающий себе цену "охотник". Шагнув к раненому, припечатал ребристой подошвой высокого ботинка руку, считай уже пленного, к земле.

«Уррод!»

– Н-на!

Сергей, вкладывая всю свою ненависть в удар, вогнал свой нож садисту в район печени, прямо под срез новомодного кевларового бронежилета.

«Дофорсился, орел горный! Одел бы обычный армейский броник, хрен бы я достучался до твоей печенки».

Глаза пойманного в силки и раненного человека расширились от удивления. Все увиденное воспринималось с трудом. Просто из ниоткуда, пришла помощь. А тут вдруг прозвучал и голос прямо из пространства:

«Извини, командир, нечем мне больше в таких условиях отключить твое сознание».

Все померкло, мозг отключился, только все равно, даже через барьер небытия он ощутил на самых задворках сознания тупую ноющую боль.

Алексей пришел в сознание и тут же понял, что за пределами помещения, в котором он обретался, идет бой. Сразу за деревянной перегородкой стены глухо стучали автоматные очереди, рвались взрывы, слышались стоны, и слова русского мата. Периодически само здание сотрясало от недалеких разрывов, с потолка сыпался мусор, куски древесины. Испытывая

боль, огляделся вокруг себя. В большой комнате он был не один. Вон, лежат такие же раненые ребята, но гораздо моложе его. Кто-то стонет, тот, похоже, молится, а сосед и вовсе сник, наверное, уже умер.

В распахнувшуюся дверь, двое за руки и ноги втащили очередного «трехсотого», извивавшегося от боли и ужаса за свою судьбу.

– Давай сюда! – хриплым от натуги голосом предложил один из «санитаров».

Снова разрыв гранаты, здание затряслось, зашевелилось. Прямое попадание, только попали по противоположной стороне строения.

– Что там снаружи? – на грани потери сознания прохрипел Алексей.

Молоденький солдат, привалившийся к хлипкой стене, стонал непрерывно. Примериваясь утащить ящик с боеприпасами, оба солдата отвлеклись на незнакомца, принесенного Хильченковым из леса.

– Да все хреново! Обложили со всех сторон и лупят почему зря. И нахрена мы им здались, им что, других дел нет?

– Ребята, дайте баццу, сил нет терпеть боль, – из темного угла, кто-то попросил сигарету.

– Терпи, может скоро все кончится, а цыгарки свои я где-то посеял.

– Шило, хорош базлать, у пацанов патроны кончаются. Взялись! Потащили.

Снаружи, правда, был крошечный ад. Отовсюду летел свинец, горели постройки. Тела убитых лежали в ходах сообщений. Оба БТРа приказали долго жить и черным дымом грязнили атмосферу горного воздуха. У борта правой машины лежало тело прапорщика Михайлова, седая голова поникла на грудь, уткнувшись подбородком в нагрудную пластину бронежилета, лицо припорошенное пылью, с открытыми, невидящими глазами, с приходом костлявой, расслабилось, было спокойным, восковым. Не смог ветеран пережить войну, разыгравшуюся в родной стране, не смог уберечь пацанов от бойни. Теперь вот лежал и мертвыми глазами уставился на бушевавший костер.

Напавшая банда, словно взбесилась, обрушила на блокпост море огня и металла. По количеству их было даже меньше чем у Мовсаева, но качество подготовки разнилось. На расположение взвода вышли настоящие «псы войны» – наемники, в задачу которых входило уничтожение выявленной группы российской разведки. За такие операции им платили хорошие деньги.

Почему бы и не подзаработать халтуркой? Вот только кто мог предположить, что русские остановятся на тропе, в самой узкой точке горловины, прикрывать выбранного хода? Потом ливень в горах! И как результат, федерал скрылся в расположении мотострелков. Конечно, назвать этих щеглов солдатами можно с натяжкой. Юнцы-переростки. Да ведь только, у этих юнцов в руках настоящее оружие, и стреляют они из укрытий по атакующим, настоящими боеприпасами. Вон, уже два десятка наемников, как корова языком слизала. Конечно не все из них погибшие, некоторые ранены, но выполнять контракт уже не способны.

Сотник УНА-УНСО Матвиюк, присланный со своим подразделением из Львовского куреня для помощи генералу Дудаеву, еще зимой в Грозном растерял большую часть людей. Уж слишком «жарко» было в городе. Москалей, их генералы, положили немеренно. И то, пихали необстрелянных мальцов в тот город, как в черную дыру, не жалея. Чего жалеть, русские «телицы» еще народят. Первый раз, что ли? А, вот своих жалко. Ох, как жалко! На средства центра «Евразия» в Чечню под видом стройбригад и журналистских групп был переправлен целый батальон УНА-УНСО «Прометей». За шесть месяцев стандартного контракта, от «Прометея» осталось чуть больше роты. «Сало в окопах», называли их москали, и беспощадно перемалывали в жерновах войны своих братьев по крови, в плен не брали. Потому и сражались «западэнцы» так отчаянно, добросовестно отработывая каждый потраченный на них доллар. А на поверку, если здраво рассудить, то на этой войне пожировал только Корчинский, да еще маленькое кубло таких же лидеров УНА как он, остальной народ остался в жопе, а мно-

гие так даже цинковых макинтошей не смогли примерить после смерти, закопали как собак и забыли, что такие когда-то были. И вернулся бы Матвиюк к себе на «батькивщину» уже в мае месяце, да повезло. Предложили контракт черножопые, деньги платили налом, не скарденичали. Хорошие деньги, за такие, можно даже не обращать внимание на то, что командовать приходится всяким сбродом. Попадались даже натуральные негритосы, а уж бывшие убийцы, маньяки, фанатики веры, прочие отбросы общества разных стран и вероисповеданий, это на каждом шагу. Он сам, не девочка-припевочка, большой крови не боялся, за Афган и Приднестровье привык, но получать удовольствие от того, что во имя Аллаха, милостивого и милосердного, сдирать кожу с беспомощного человека так и не привык. Добро то, что окружил он себя земляками из остатков бывшего отряда и почем зря спуску нынешним подчиненным не дает. Так и воюет, деньги заколачивает.

Надоела возня с блокпостом. Приложил к глазам окуляры полевого бинокля, обследовал позиции противника, превратившиеся стараниями наемников скорее в кучи тлеющего и дымящего мусора, но все еще огрызающиеся на каждую попытку прорыва обороны.

–Петро, он бачиш поблызу «бэтра», дымный стовб мисце клубамы закрыв, так, що ничего не видно?

Рядом с Матвиюком оказался Петр Музыка, его ближайший соратник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.